

К11388906

ос

ПЛЮСОВАЯ ПОЭЗИЯ

Союз Российских Писателей
Комитет по делам молодежи Вологодской области

П ЛЮСОВАЯ П О Э З И Я

молодые вологодские стихотворцы
начала XXI столетия

Вологда
2008

Под общей редакцией
А. Черного

Редакционная коллегия:

Е. Волкова, Ю. Ганичев,
О. Кузнецова, Р. Соболева,
Н. Сучкова, Н. Усанова

Издание осуществлено при
финансовой поддержке
Комитета по делам молодежи
Вологодской области

Плюсовая поэзия. Молодые вологодские стихотворцы начала XXI
столетия./под общ. ред. А. Черного. - Вологда: Союз Российских
Писателей, 2008. - 150 с.

(с) Авторы, текст, 2008.

(с) Т. Шмелева, иллюстрации, 2008.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В вологодскую поэзию приходит новое поколение. И хотя временные рамки в культуре всегда несколько условны, появление в последние годы в литературном процессе Вологодчины целого ряда свежих молодых голосов — очевидный факт. Если доверять утверждению известного критика и литературоведа И. Шайтанова о том, что новый век в литературе, как правило, начинается «где-то между 5-м и 15-м годом», мы сейчас присутствуем при зарождении поэзии XXI века. Какой она будет, пока даже в самых общих чертах предугадать невозможно. Однако, пожалуй, самый главный элемент этой «литературы будущего» уже налицо — яркие и самобытные молодые авторы.

Настоящее издание ни в коем случае не претендует на звание «сборника гениев». Каждый из представленных в нем стихотворцев талантлив по-своему, и только всевластное время способно расставить их «согласно табели». Это скорее мгновенный фотоснимок сегодняшней литературной ситуации в регионе, сделанный под особым углом зрения, направленным в будущее. Может показаться, что наш взгляд на словесное искусство субъективен: кто-то не найдет в сборнике иных ожидаемых имен или, быть может, своего имени. Но культура — это полифония, вечный спор, лишь порой рождающий смутное подобие иерархии. Теперь пришла пора сказать свое слово в этом споре и вологодской молодежи.

Книга состоит из трех разделов. В первом, главном среди них, представлено творчество наиболее заметных молодых авторов нашего региона. Второй раздел составлен из своеобразных «кратких творческих заявок» тех стихотворцев, чей дебют состоялся совсем недавно. Раздел «Плюс три» включает в себя произведения тех авторов, которые составляют в настоящее время действующий поэтический «актив» Вологодского отделения СРП.

Голоса авторов этого сборника различны, и искать здесь какую-то тенденцию вряд ли уместно. Новое поколение, выросшее в отсутствие «единственно правильной руководящей и направляющей линии», не станет строиться в ряды и колонны. Можно отметить лишь то, что молодые вологодские поэты и поэтессы черпают вдохновение не только в самих себе, но и в богатой русской литературной традиции. И каждый в своей. Если для череповчанина Павла Широглазова и уроженки Белозерска Александры Логиновой источником стала по-своему прочувствованная «тихая лирика», то вологжанке Регине Соболевой и кадуйчанке Дарье Кутяшовой, как нам кажется, хочется больше маяковской «громкости». Естественно, огромное влияние на стихи молодых оказывает Серебряный Век, причем во всех возможных вариациях: это и некоторые подражательно-цветаевские стихи Анны Казаковой из Череповца; и отчетливые северянинские нотки в творчестве ее земляка Михаила Калинина; и хармсовский «серьезный смех» вологжанина Дмитрия Туркина, и так далее. Самое главное, что

продолжением литературной традиции далеко не исчерпываются достоинства этих текстов: робкий или смелый, в каждом из них присутствует дух эксперимента, желание донести миру что-то свое, очень личное. Без чего поэзия невозможна.

Однако одного таланта в наши дни, конечно, мало, чтобы докричаться до неприветливого мира. Автору, только начинающему свой творческий путь, важна поддержка единомышленников, «чувство локтя». И в Вологде есть общественное объединение, которое дает даже самым молодым авторам возможность быть услышанными.

Вологодское отделение Союза Российских Писателей было основано ровно 10 лет назад. И то, что тогда, в 1998 году, казалось случайным стечением обстоятельств, теперь выглядит почти исторической закономерностью: отвергнутые официальной и коммерческой печатью, молодые и амбициозные литераторы решили сами устраивать свою судьбу. Они объединились вокруг СРП, двери которого были всегда открыты для любых, даже самых смелых творческих проектов. Так получилось, что открытость и либерализм всегда были одновременно и силой, и слабостью этого объединения. С одной стороны, они закрывали многие официальные двери, с другой — давали творческим людям бесценную возможность общения без оглядки на политические, литературные и прочие направления.

И возможностей для обмена творческим опытом по сей день остается множество. При ВО СРП постоянно действуют сразу два творческих

объединения: ЛитАртель «Ступени» и молодежная студия «Лист». Многие из авторов настоящего сборника были воспитанниками последней. В 2007 году вологодским отделением СРП была основана традиция регулярных Межрегиональных фестивалей поэзии в Вологде, проходящих каждые полгода («Зов Муз», май 2007; «Плюсовая поэзия», октябрь 2007). За 10 лет в Вологде при содействии Союза выпущены десятки изданий.

Но главные достижения — не в книгах и мероприятиях. Главное богатство Союза Российских Писателей в Вологде — творческие люди: поэты, прозаики, публицисты. И то, что многие из них еще очень молоды, на мой взгляд — добрый знак. Поэтому то, что именно ВО СРП взялось за издание этой «хрестоматии» молодой поэзии Вологодчины, более чем логично. В заключение хотелось бы поблагодарить наших партнеров в лице Комитета по делам молодежи Вологодской области, чья помощь позволила представить молодую поэзию региона в столь многообразной, но далеко не исчерпывающей полноте. И отдельной благодарности, без сомнения, заслуживает наш постоянный партнер и друг Юрий Ганичев, без чьей поддержки и энергии этот проект вряд ли бы состоялся.

Антон Черный

П ЛЮС
О Д И Н

МАРИЯ МАРКОВА

(Каду́й)

Родилась в Кадуе, где живет и работает. В 25 лет студентка-заочница филфака, автор двух стихотворных сборников «Упоение» и «Мед-червоточина». Вошла в двадцатку лучших молодых российских поэтов по проекту «Илья-Премия» (2005). Участница фестиваля «LOGОрифмы» в Ярославле (2007). Публиковалась в альманахе «Семизерье», журналах «Северная Окраина» (Череповец) и «Свеча» (Вологда). Член Союза Российских Писателей.

«ЧУЖИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ»

И.Белецкому

1

На краю, где провинция, кажется,
все дороги сойдутся на «нет».
Потерпевший крушение — свяжется.
Вездесущий поможет инет.

Указатель — «на море», «в Московию».
Кораблем потопляем карман.
Это — Фюн, где поля вересковые,
Остров Фюн, где в низинах туман.

У воды нестареющий Андерсен

заливает бутылъ сургучом.
Никого не бывает без адреса.
Обернись - кто стоит за плечом?

Замахнется волна, и рассыплется,
и на глобусе лопнет канат.
Загляни в опустевшую мыльницу,
там лишь пена морей, камарад.

2

Порою звонит телефон, но никто
еще на звонок не ответил. Здесь пусто.
Вранье очевидцев и сказки — не густо.
Моря превратили сей остров в остов,

и здесь из песка белоснежно ребро
торчит, изгибаясь, и рвет парусину.
Девуца белье собирает в корзину,
из пышных перин выбивает перо

и рыбину чистит на том валуне,
где тень, поджимая костлявые ноги,
сидела, того провожая в дорогу,
кто бросил ей несколько мелких монет,

чтоб тень отвязалась (обуза, куда —
такую неброскую? там же — столица!),

и тень, задирая тоскливое рыльце,
ветрам подвывала. На берег вода,

шипя, напознала и ела пески,
смывала следы, оставляя обломки.
Безглазая тень спотыкалась в потемках
и плакала от непонятной тоски.

3

Карта, что ты в кармане
носишь который год,
городом этим врет.
Здесь не твое. Местами

много приезжих. Тут
старый привратник сплнет.
Ветер афишки треплет.
В трубках стеклянных ртуть

ниже нуля сползает.
Холодно, черт возьми.
Столько пустой возни!
Клад — в глубине вокзала.

К городу встань спиной
и уезжай с коробкой.
В ней затыкает пробкой
домик плавучий — Ной.

Предскажешь погоду на завтра, и вот,
 день будущий вдруг обозначится резче.
 Вот невод полощет пустой свой живот.
 Вот море выносит забытые вещи
 на светлый песок. Ты решаешь начать
 день с поисков смысла, и роешься в тине,
 снимаешь холщовую сумку с плеча
 и прячешь туда ослепительно синий
 морской лоскуток с серебристой каймой,
 а дома ругаешься, в сумке — медуза.
 Твой дом прикасается к морю кормой.
 Вода заливает открытые шлюзы.
 Твой дом прикасается к морю щекой
 и тихо смеется. Он пуст, как скорлупка.
 Когда-нибудь ты обретишь в нем покой,
 как в детстве. Накроешься пледом и трубку
 раскуришь, а ночью пойдешь на причал
 распутывать сети, гадать на погоду
 и слушать, как донные рыбы молчат,
 как глубже и глубже уходят под воду.

Ты выцарапываешь постоянство,
 укореняешь на одном листе
 задуманное без границ пространство,

а может лишь его — пространства — тень.
Так шхуна, опрокинутая ветром,
как черепаха, не продолжит путь,
вратет в песок всего лишь в паре метров
от моря, или может море суть
песок, и шхуна с длинной раной в днище
отнесена течением морским
туда, где плоский скат поживы ищет,
ракушечником обрастает киль
и служит стайкам рыб ориентиром,
а ты идешь по берегу босой
и думаешь, что все на карте мира
береговой начнется полосой.

6

В городском пространстве твой горизонт
все равно, что пунктир: домами прерван.
Если кто этаж занимает первый,
Ограничен двориком кругозор.

Там выгуливает собаку дед,
тот, что мальчиком часто гостил в деревне,
где дугой горизонта росли деревья,
и в оконце утром заглядывал свет -

не искусственный, пахло сухой травой,
дрожжевой опарой, и кот под лавкой

умывался рыжей пушистой лапкой,
и вприкуску бабушка чай с халвой

попивала с блюда, и на краю
той деревни небо вливалось в воду,
и росли дожди, как речные всходы.
В городской черте же важней уют.

Дождь начнет накрапывать. Старый зонт
дед раскроет и хвост подожмет собака.
Архитектор ластиком на бумаге
изведет намеченный горизонт.

7

Ты выходишь с кофейной чашкой (в ней гуща —
капля в море, остров, кофейная суша),
чтобы выплеснуть гущу в море. Так. Просто.
Пусть она пригодится на маленький остров.
Пусть она пригодится потом Робинзону.
Он по острову будет болтаться в кальсонах,
обрастать бородой и домашним хозяйством,
обживать необжитое это пространство.
На кофейном песке он коричневой веткой
нарисует рыбацкую крепкую сетку,
темнокожую женщину, узкую лодку,
субтропический климат и русскую водку.

Пусть Дефо замышлял этот мир по иному.
Робинзон не гадает на гуше по дому.
Он, мотыгой тревожа кофейную сушу,
представляет, как некто здесь выплеснул гуцу,
и так мал островок, что едва его видно,
потому Робинзону в кальсонах не стыдно.

8

Ветер меняется. Наш капитан
громко ругается. Пьяный матросик
вертит и вертит в руках папиросу,
лезет и лезет бездумно в карман,

пялит и пялит единственный глаз.
Все ему — море одно, и до суши —
в винной бутылке матросские души
заперты пробкой. Напиться бы всласть,

но ограничен запас алкоголя.
Пьяный матросик пускает слезу.
Мачта растет в корабельном лесу.
Лес тот скрипит, как и сосны на воле.

Страшно. Ночами же снится маяк,
девки кабацкие ловят монету,
ловко суют ее в вырез корсета

и ухмыляются: «Славный моряк...

Миленький, добренький! Ай, угости!
Да не грусти, мы хотим веселиться!
Стоит напиться! Стоит напиться!
Стоит, девицы, его потрясти!..»

Страшно. Проснешься, а тут — капитан
громко ругается, звучно плюется.
Море глотает шипящее солнце.
Пьяный матросик роняет стакан.

9

Подходят волны к самому крыльцу,
облизывают серые ступени
и оставляют водоросли, пену,
песок и щепки. Все идет к концу.
Вот-вот размочит морем основание,
и дом снесет к курильским берегам.
Там Франсуаза, та, что нам — Саган,
сидит с карандашом за ушком в ванне,
уписывая местное вино
и бутерброды с красной жирной рыбой,
и ничего не происходит, ибо
свершилось все уже давным-давно.
Сентиментальные ее романы

домохозяйки пачкают мукой.
Царит на кухнях ангельский покой,
а ты за якорь держишься в кармане,
не успеваешь подобрать ключи
к входным дверям. Вода уже в подвале.
Зачем пытаться выразить словами?..
Давай, теперь немного помолчим...

АННА КАЗАКОВА

(Череповец)

Меня зовут Аня. Мне... да не важно, сколько мне лет! Порой кажется, что была уже тысячи лет — как скала; порой смотрю и будто вижу впервые все: и снег на обочинах, и котят под балконом, и траву на проталинах — как ребенок. Я учусь. В университете... Нет, это не важно... Я учусь у солнца греть и слепить, я учусь любить и жить так, чтобы в ушах свистел ветер, чтобы жизнь вокруг была — танец! Я люблю Россию 1917 года, эйфорию и трагедию, бунт и молитву. Я стараюсь быть серьезной, изо всех сил учусь понимать этот мир.

КРЫМ

Крымский ветер —
В подолы девочкам,
Крымский ветер —
В матроски мальчикам.
Громкий смех,
Гувернантка сердится
И грозит немецким пальчиком.

Просоленные морем волосы
Растрепались до неприличия.
И хохочут лукавые зайчики
В загорелых ребячьих личиках.
Море, скалы,
Короткие платица.

Век — Серебряный,
Год — семнадцатый.
Ветер в волосы —
Пахнет ливнями,
Виноградом
И эмиграцией.

Смейтесь, тонкие девочки
В ленточках,
С пожелтевших открыток
Из прошлого.
Я влюблен вас,
Но так по-книжному,
Я влюблен в вас
Так понарошечку.

Я влюблен в ваши тонкие пальчики,
В вашу прелесть —
Такую неброскую.
Я влюблен в ваше чистое детское,
В ваше трагичное взрослое.

* * *

А Вы все та же —
Не постыдились - в храм не прикрыв головы!
Готов поклясться,

Вам ночью снились
Пятнадцатилетние сны!
А Вы все та же!
И проседь в кудрях — не больше,
Чем маскарад.
А тот красивый, высокий,
Юный...?
Я знаю,
Вы скажете — брат...

Опять играете!
Полно, детка,
Пора бы умерить пыл.
Я представляю,
За эти годы
Кто только Вас не любил!
А Вы? Скажите,
Вы были верной
Хоть одному из них?
Или все так же
Беспечно — ветрен
Ваш избалованный стих?
Скажите-ка, деточка,
(Все-таки исповедь!)
Любили хотя бы раз?!

.....

Дерзко,
Почти как в пятнадцать,
Ответила:
- Вас!

ТАНЦУЙ!

Танцуй, мой маленький герой

Бульварных книжек!

Танцуй! Все остальное —

Суета.

Пусть смотрят косо,

Забивай поглубже

Тоску в натуженный хребет

Моста.

Танцуй, мой маленький герой

Бульварных книжек!

Здесь ничего

Не может быть всерьез.

Танцуй на хмурых мостовых

Парижа.

Танцуй до слез!

А у нее сплошной сквозняк

Полощет платье.

И ножки в черных башмачках-

Почти проклятье!

Звончее звона кастаньет

По переулкам старым

Летит ее смешок,

А вслед-

Гремят гитары!
Под этот гром,
Под этот звон
Еще смелее
Стучит каблук по мостовой,
И рот - алее!
И целый вихрь цветов к ногам
И крики «браво!».
И обожанье и восторг,
А ей все мало!
Всегда бы так:
Кружить, кружить,
Сводить с ума прохожих!
Звенеть, греметь,
Влюблять, любить-
Чтобы мороз по коже!
А у нее сплошной сквозняк
Полощет платье.
Гремит, звенит,
А по ночам -
Рыдает у распятия.

Михаил Калинин

(Череповец)

Родился в 1988 году в Сочельник. Являюсь одним из наиболее удачно осуществлённых родительских планов. 1992 — «первые литературные опыты» (где-то даже тетрадка хранится). 2005 — поэтическая брошюра «Лютики в траншее». 2006 — книга «Пунш & фейерверки» (стихотворения 2004-2006 гг.). 2006 — поступил в ВГПУ на отделение журналистики и теории коммуникации. 6 января 2008 — отметил 20-летие.

* * *

Два глотка тишины и опять — круговая порука...

И для сердца, летящего с крыши — грудинный
батут...

То ли в ссоре с собой, то ли в ссоре с хорошим
другом

Я плевки заболевшей любви ловлю налету...

Я ловлю, я ловлю... я люблю, я люблю!.. и, должно
быть,

в негодайском нутре полумёртвую боль шевелю
и смываю, как копоть,

и робость,

и подлость,

и похоть,

пусть отрешем,

обмылком,

НО МЫСЛИ О ТОМ, ЧТО ЛЮБЛЮ...

И не ноют стигматы, но нимбы оторваны с мясом.

И меняется гвоздь для святых на шуруп-саморез...

Я хочу говорить, но до крови источены ласы,

Я хочу на Олимп, но поэзия тянет в подъезд...

Проще думать о том, что покинут и бесполезен,

снять воздушный дворец и уныло слюнявить

мечту...

Но поверь, даже бог, как ребёнок, о матери грезит;

даже зависть белеет, увидев свою черноту...

Каждый добрый конец помышляет о новом начале.

Каждый добрый —

отец

для тех,

кто рос без отцов.

...Не сплести километры любви в километры печали

Никогда

ни началу начал, ни концу всех концов.

СЕРПЕНТАРИЙ

Я не так безобиден, как кажется с первого взгляда.
Не дави меня, гада, хрустальной своей босоножкой!

Я тебе улыбаюсь, моя золотая отрада...
А была бы рука, я тебе помахал бы ладошкой...

Преподобные мне отрубили и руки, и ноги...
Я летел кувырком по наклонной луча и не падал...
Я ругал небеса и кричал, что все беды от бога.
Я трепрокаял его и его подопечную падаль...

А потом я срывался в свинцово-бурлящие смуты!
Всё взрывалось вокруг, всё дрожало, гудело и
меркло! —
Атмосферный слоёный пирог и немые минуты...
Девятьсот километров сплошного ревушего пекла...

Я упал, и пожарища дней меня быстро убили.
Я валялся в грязи, истекая бордовым бессильем...
Я воскрес. Потому что крылатые напрочь забыли —
Иногда даже аспиды могут иметь свои крылья.

Не смотри, что ехиднами угол кишит мой
укромный! —
Я во имя тебя горизонтные выси разрушу...
Хочешь, мир подарю? Весь — до капли. Огромный-
огромный.
Только дай приласкать твою чистую светлую душу...

My Dear Friend

Замолви обо мне хотя бы пару слов.
Одну мою весну припомни парой песен...
А знаешь ли, мой друг, ведь мир не так уж тесен,
когда глядишь на мир, спускаясь с облаков!..

Посмейся за меня хотя бы пару лет!
Влюбляйся за меня в девчачью обнажённость!
И пусть лишит ума твоя умалишенность
холодные рассудки на карточном столе!

Прочти хотя бы треть того, что я принёс,
найдя черновиков бесформенные кипы!
И выпей всё вино, какое я не выпил!
И досмотри моё, приснившееся вскользь!..

И жизни без столбов — столбами застолби,
чтоб столбенеть столбом, столетья провожая!
И ту мою Любовь, которая Большая,
найди и долюби! Найди и долюби!

Ну, а когда Её ты встретишь у столов,
которые накрыты радушными врагами,
врагам, и Ей, и тем, кто с нами и не с нами,
замолви обо мне хотя бы пару слов!

И пусть они кричат о чьей-то там вине!
И пусть они рычат, и плачут, и смеются!
...А знаешь ли, мой друг, как хочется вернуться
на пару слов, что ты замолвишь обо мне!..

* * *

...Так кто же я, Боже, художник или убийца,
рисующий лица натурщиц, убитых искусством?
Одновременно повеситься и застрелиться —
способ, который зовётся предсмертным
занудством.

Поэтому я не хочу ни того, ни другого...
Заметь, что я новый — гораздо светлей и душевней.
Пусть я не блещу идеальным звучанием слова,
но я не встаю на колени выклянчивать гений.

Считая потери в своём стихотворном полку,
знаю, что без толку — смысла в том будет с
обмылок:
сколько верёвке не виться — взлетит к потолку,
сколько ружью не висеть — продырявит затылок...

И кто же я, Боже, писатель или злодей?
Тетрадный каратель, казнивший тетрадь пустотою?
И кто же я, Боже, без горсточки ложных идей,

быть может, ничтожных, но ставших моею
судьбою?

Спасибо за каждый написанный мною пустяк,
за каждую строчку, за то, что грешу и спешу!..
Прости меня, Боже, за всё, что писалось не так,
за всё, что пишу и, наверно, ещё напишу...

Спасибо за маму и папу, за тьму и за свет,
за грозы и ливни, за ветер и шорохи листьев!..
За то, что во мне настолько бессмертен поэт,
что я обессилел в своём стихотворном убийстве.

* * *

Толстобрюхая туча морщится
Синеватым инистым ртом...
Снежной моли несметные полчища
Сожрали божье пальто.

Гардеробов облачных створки
Отворил небесный швейцар...
Как минуты мои одиноки!
Ах, какой, дорогуша, кошмар!

А на улицах — минус пятнадцать
И повсюду — французский мистраль...

Даже некому, крошка, сбавать
Про такую тоску-печаль!

Ты, наверно, скучаешь, киска,
И глядишь в ледяное окно.
Сердцу нравилось рядом биться,
А теперь ему всё равно,

Только б броситься в холодину,
В снегодёт, как в твою кровать!
Ирой звать тебя или Мариной...
И вообще, зачем тебя звать?

Может быть, потому что скучно
Жить вот так вот, как я живу,
Я в кого-то влюбляю душу
И кого-то всегда зову?

Я не знаю, зачем и надо ли
Это всё вообще говорить...
Лишь бы звёзды твои не падали,
Продолжая тебе светить,

Лишь бы все твои воздыхатели
Серенады орали в ночь
И дарили цветы твоей матери
За такую красивую дочь.

ВО МНЕ УМИРАЕТ ПОЭТ

Во мне умирает поэт.
Наверное, корчится в муках...
Теперь я простой человек.
Теперь я не в рифмах, а в брюках.

Во мне умирает поэт.
Уродливо и безответно -
он жаждет кричащих газет
и дела под грифом «секретно»!

Он хочет хотя бы куплет!
Две трети его! Полкуплета!
Во мне умирает поэт,
а мне как-то не до поэта...

Во мне умирает поэт,
кривляясь на остром моменте,
и хочет, чтоб весь белый свет
сошёлся на мёртвом поэте!

Во мне умирает поэт.
Точнее сказать, подыхает.
Под маской придуманных бед
он ждёт чьих-то слёз и не знает:

Маршрут типа «зал-туалет»
не очень-то и поэтичен...

Во мне. Умирает. Поэт
по-детски капризен и взвинчен.

Квартира закутана в плед
из старых ковров и обоев.
Во мне умирает поэт,
желая, чтоб умерли двое.

Ничто не пылает в огне,
и хочется думать о лете.
Поэт умирает во мне,
а я торжествую в поэте.

Во мне умирает поэт,
но всё же кричит «До свиданья!»
в надежде услышать ответ
на рвущие сердце страдания.

А я забываюсь во сне.
Мне снятся банальные вещи.
Поэт умирает во мне
всё яростней, жёстче и хлеще!

Во мне умирает поэт,
стреляясь, уродуя руки,
а я завершаю обед,
мусолю житейские штуки...

Приставил к виску пистолет,

удавку сжимает в ручонках -
Во мне умирает поэт,
зарёванный, словно девчонка.

А мне уж почти двадцать лет,
а он всё такой же мальчишка!
Во мне умирает поэт.
Наивно, как в пафосных книжках.

Во мне умирает поэт.
Наигранно и неумело...
И даже когда его нет,
всё прежнее в общем и целом:

мой детский портрет на стене,
на ужин - пюре и котлеты...
Поэт умирает во мне,
как все молодые поэты.

ДУРАЛЕЙ

Не хожу дрова колоть, не пишу принцессам писем,
Королю челом не бью, на религию плюю,
не хочу закон блюсти — дураку закон не писан,
в принципе, я безобидный, но коль вывести — убью!

Раньше в балалайку брякал, пел похабные куплеты,
Крыл царей отборным матом да сморкался на
 господ,
Всё катался на печи вкривь да вкось по белу свету,
а теперь в тоске-печали я уже который год.

Эх, заморская царица дурье сердце охмурила!
Остолопью душу-шапку износила всю зазря!
А теперь — хоть волком вой! Снаряжу-ка я кобылу,
присобачу к ней телегу и поеду за моря!

Я красиво говорить, право слово, не умею,
женихов у ней навалом, но посмотрим, чья возьмёт!
Пусть кричат ей о любви и втирают ахиною,
я дурак, а, как известно, дуракам всегда везёт!

ЕЛИЗАВЕТА ЧЕГОДАЕВА

(Вологда)

Меня зовут Лиза Чегодаева, я ученица Галины Александровны Щекиной (студия «Лист», Вологда), студентка Литературного института.

* * *

Ты снова здесь, и в мире - провал,
Я бездумно сбрасываю туда всё,
Ведь у нас лишь сутки, а потом вокзал
Прямо в закат тебя унесёт.

Пусть никто не стучится в мою дверь,
Мне ничьих просьб сегодня не жаль -
Я тону в ворохе чёрных кудрей,
Отпуская на волю безумный жар...

А иного не дано — лишь экспрессы в ночь,
Лишь встречи на день, и ни слов, ни фраз!
Не всегда совпадают «хотеть» и «мочь» -
Я три года учила французский яз...

О-о, пей мою жизнь с пересохших губ!
Запечатывай мой болтливый рот,
Пока сны октября по окну бегут,
И мы можем не думать о том, что грядёт...

* * *

Мы у жизни пару часов заняли...
О, рыжий огонь, меня не храни!
Нас до того скрутило желание,
Что просто глупо говорить о любви.

Это что-то вроде пост-смертия:
Эйфория и боль разом,
Тел занимательная геометрия
И просыпанный на пол разум...

Нас ветра ночь напролёт подслушивали,
Спрятавшись между снежными кронами,
А я вся — губы твои распухшие,
Я вся — глаза твои воспалённые...

* * *

Они роняют тихо: «Soggu...»,
И опускается стена.
В окне — несломленная горем,
Непобедимая луна.

Всё это — лёгкая заминка,
Сегодня Бог не с той ноги...
В стакане вещие чаинки
Кричат: «Спасайся и беги!»

Но мы — команда альпинистов,
Подобранная точно в масть.
И, как ни хочется разбиться,
Тебе никто не даст упасть.

* * *

Шея опутана плеером, как удавкой.
Мы есть, мы будем, и никуда не деться.
Всё будет длиться годы, уколы булавкой
Понемногу выпьют твоё и моё сердце.

Я отдаюсь на заклатие, потом сбегая
С хирургического алтаря, от скальпелей
занесённых.
Мы есть, мы будем, нам не обещали рая —
Лишь холод курилки, тьму общежитских комнат.

Голова шумит, горячий кран, мыло,
Учу латынь, раскачиваюсь на стуле.
...Мы есть, увы, и это не я решила,
Мы будем, да, и это не ты придумал.

* * *

Под тёмно-зелёным покрывалом
Время вновь начинает отсчёт.
Я целую тебя устало —
Я слишком знала всё наперёд!

Руль вывернут до упора.
Тихо шуришься на рассвет.
Должно быть, мы проснёмся нескоро.
Конец декабря. Снега — нет.

* * *

Загораживает свет, от дыма морщится,
курю пристально — это пыль из-под ног!
Наша осень давно закончилась,
наша зима подводит итог.

Станет рисунками карандашными
этот отчаянно яркий цвет.
Хочешь до смерти, ничего не спрашивая,
боясь всё же получить ответ.

ДМИТРИЙ ТУРКИН

(Вологда)

Я родился 31 августа 1986 года (как раз в День Рождения Дмитрия Туркина) в Вологде. В семье простых рабочих. Писать начал лет с шести, причём осознанно. То были романы и рассказы, построенные на сюжете различных популярных тогда фильмов. С 16-ти лет начал чувствовать и называть себя настоящим писателем. После школы поступил в университет на отделение журналистики ВГПУ, где сейчас и учусь на четвёртом курсе вместе с Дмитрием Туркиным.

* * *

Мы гуляли с ней поздней осенью.
Я шёл и смотрел на деревья,
А она — в свои ноги из юбки.
Я сорвал с дерева один увядший, трухлявый
листочек,
И вручил его своей попутнице
На память об увядшей осени.
Так и сказал: «На память об увядшей осени»
Она озорно улыбнулась, и мы пошли дальше.

Мы гуляли с ней поздней осенью.
Я смотрел на прохожих,
А она — в свои ноги из юбки.
Я вдруг увидел дряхлого, безжизненного старика с
клюшкой,

Я подошёл к нему и схватил его вместе с клюшкою
И вручил его своей попутчице
На память об увядшей юности.
Так и сказал: «На память об увядшей юности»
Она озорно улыбнулась, и мы пошли дальше.

Мы гуляли с ней поздней осенью.
Я смотрел на неё,
А она - на того изношенного, причмокивающего
старичка,
Которого несла в своих руках,
А старик держал тот трухлявый листочек,
И вертел его,
И смотрел на него,
И лил на него свои последние слёзы.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДУША.

На кухне моей жизни
Кормится всё человечество,
Я никогда не устану
И не покину своё отечество.

А хлеб чёрств, как ваше сердце.
Холодильник пуст, как наша сума.
И горит, как телевизор,
Моя крестьянская душа.

* * *

Горю, горю, горю,
Смотрите!
Вот сгорела последняя нога!
Ждите, ждите!
Будет гореть и большая голова!

Горю, горю, горю,
Зырьте!
В дыму раскаяний догорает туловище!
Оно, гнойное — верьте
Обязательно попадёт в чистилище!

Горю-сгораю,
Видите!
Рукам не схватить, не задушить пламя,
Я знаю свои руки,
Привыкшее держать только пламенное знамя!

Горю, в огне, горю,
Гляньте же!
Вот и голова волосами забилась,
Огонь пляшет на коже,

Из русой голова моя в рыжую превратилась!

Горю немилосердно!
Горю я беспощадно!
Смотрите-ка и верно!
Горю я беспощадно,
Горю немилосердно!

Горю, сгораю, догораю,
Ждите-ждите!
Будет пепел, будет пепел.
А пока смотрите,
Как разгорает меня доктор ветер!

Вот сгорел, сгорел,
Можете не смотреть.
Я — пепел без большой головы, ручек, ножек и тела,
Идите по домам, ведь
Танец кончен и нет у меня никакого дела!

Я горел беспощадно,
Я горел немилосердно
Для вашего же внимания
И для вашего наблюдения
Горел!

* * *

Как с такими лицами ездят в автотранспорте?
Никому неведомо,
Никому незнаемо.

Как с такими воплями ездят в автотранспорте?
Никому неслыханно,
Никому несказанно.

Как с такими тучками ходят в аутотранспорте?
Никому невиданно,
Никому невелено.

Как с такими мыслями ездят в автотранспорте?
Никому негаданно,
Никому ненадобно.

* * *

Хромоногие многие
Говорили мне правду
В их трудах и годах,
Запечатанных в век.

Позабытые битые
Указали на место мне,
На котором нулём я

Катался вот так:

Шух-шух
Бурль-бурль.

Но теперь я и сам-то
Кой-чего ведаю
И прошу современников
Меня не учить,

Потому что здоровье
Приходит не с опытом
И не со знаньями,
А как-то вот так:

Вжжжжжить!
Пум-пум!

* * *

Видите ли...я не поэт,
Я просто лучезарный свет.

ДВАДЦАТЬ КАНАРЕЕК

Двадцать канареек
В озере стонало,

Двадцать канареек
В озеро упало,

Двадцать канареек
Крылышками билось,

Двадцать канареек
Мне это не приснилось,

Двадцать канареек
Шло уже ко дну,

Двадцать канареек

Но я всё время думаю о возрасте (может, это
возрастное?).

Я всё время бессознательно обращаюсь к своей
старости.

Мне уже двадцать лет, но я ещё «до сих пор не
исправился»,

как любят выражаться *исправившиеся*.

Мне скоро будет двадцать один, а я всё так же
безнадёжен и бесцелен.

Может быть, я не понимаю сущее?
Нет, я, вроде, понимаю сущее.
Может, я не распознаю чуму жизни?
О, я ещё как распознаю чуму жизни!
Может, я не достаточно износился, не судьбоносно
одрыхлел?
Нет же, я родился изношенным.
Может, кровь моя ещё не остыла?
Но кровь моя не то что бы остыла, она уже застыла!
Так что же они хотят от меня?
Может, чтобы любовь моя не пела?
Нет уж!

Двадцать канареек
В небеса взлетело,

Двадцать канареек
Обрело свободу,

Двадцать канареек
Обмануло воду.

Двадцать канареек
В небесах парило,

Двадцать канареек
Пело и любило.

Бедная женщина косит
Для бедной коровы траву,
Слепней и солнце поносит,
Будто в похмельном бреду.

А я стою на крылечке,
Слушаю смело осу,
Хочу искупаться в речке
И творить безумно хочу.

Смотрю на мужающий стог
И на женщину бедную в белом
И знаю, что так же бы смог
Стихи устремлять свои в небо.

Я мог бы музой-косою
Косить светословья трав,
И рёвмя ревмя порою
И так же вежды разжав,

На удивленье коров
Смог бы в святом вдохновении
Сметать из копен-из строф
До туч стог-стихотворенье!

Но всё на крыльце я стою,
И слушаю песенки ос,
И давно уж найти не могу
Дороги на свой сенокос.

НАТАЛЬЯ УСАНОВА

(Харовск - Вологда)

Меня зовут Усанова. Конечно, имя у меня есть - Наташа, но я от него отвыкла. На работе я Усанова, на учёбе - Усанова, в общежитии - Усанова, наконец, свои стихи я подписываю фамилией, чтобы меня не принимали за моих тёзок. Я вологжанка. Хотя я родилась и до сих пор прописана в Харовске, все свои «взрослые» тексты (сборники «Днём с огнём» и «Внутри») я написала в областной столице. Мне четыре года. Мой паспорт считает, что мне двадцать, но я с ним не согласна. Отсчёт моего возраста идёт с того времени, когда я обнаружила себя поэтом.

МЕСЯЦ

Все вещи растворились в ночи зыбкой.
Лишь месяц не схватила темнота.
Остался он от мира, как улыбка
Осталась от чеширского кота.

Он светится. Ему, наверно, сладко.
Он что-то сохранил в изгибах губ...
И я хочу загадывать загадки!
Да ни одной припомнить не могу.

* * *

Чистое небо. Совсем бесстыдное.
Даже ни облачка нет нигде.
Небо, опомнись, тебя же видно нам.
Тучи надень, не смущай людей.

Будет стесняться оно? Да полно вам!
Небо, единственный божий храм,
Очень легко расстегнёт все молнии,
Сбросит все тучи ко всем чертям...

* * *

В сумерках серы любые дороги,
А луга истекают паром.
Очень скоро шмели - олимпийские боги -
Спустятся за нектаром.

И, вкушая с тычинок свой ужин пряный,
Какой-нибудь Зевс Иваныч
Не поймёт, что над ним лепестки тюльпана
Начинают смыкаться на ночь.

Он очнётся и биться в тюльпане станет -
Сбросит пару росинок-бусин...
И придётся ему до утра в капкане
Наслаждаться нектарным вкусом.

* * *

За деревней они
Поджидали день.
Тишина, и слово дано костру
У того костра
Кроме двух людей
Шесть деревьев,
Шесть напряжённых струн.

Он за хворостом встал,
И задел одну.
Вся струна негромко
Отозвалась.
И - ещё струну.
И - ещё струну...

А костёр заслушался
И погас.

* * *

Здравствуй, самый первый посторонний!
Из своей подсолнечной обители
Пиром увлечённые персоны
Твоего лица в упор не видели.
А ведь ты, подняв с протяжным стоном

Ношу и спокойствие невольника,
Строил пирамиды фараонам
Из больших бермудских треугольников.

СЕЯТЕЛЬ

Я знаю: солнце встало и блестит.
Инстинкт мне говорит: «Пора работать».
И надо сеять, сеять и растить
Разумное, и доброе, и что там....

Мне кажется, что я видала Русь...
Река не возвращается к истоку.
Я ничего на свете не боюсь,
Работаю спокойно и жестоко.

Натянут горизонт и где-то вдоль -
Распахнутое, сдавленное поле...
Зачем я здесь?! Зачем я сею соль?
Что вырастет потом из этой соли?

НЕВЕСТА

Коклюшки устали от звона,
Невеста едва жива.
Но в бледных её ладонях
Пенятся кружева.

Они сплетены бесподобно,
Белые, будто стих..
Значит, невеста способна
И паутину сплести.

ВОДА

Радуйся: по цвету ты - вода.
Ты безукоризненно прозрачен.
Потому любая грязь извне,
Если попадёт, испортит всё.
Должен ты успеть себя отдать
До того, как цвет твой станет мрачным.
Бойся превратиться в лёд и в снег -
Их весной по слякотям несёт.

Не жалеи: по форме ты - вода.
Не пытайся выйти из посуды.
Впрочем, если тянет, выходи.
Просто я хочу предупредить.

Если выйдешь, каждый шаг туда
Будет превращаться в шаг отсюда.
А о том, что будет впереди,
Не по силам смертному судить...

НИ ЗВУКА

Ни звука, прошу вас.
Надеюсь, вы это поймёте.
Мне так хорошо
проплывать в безвоздушном пространстве.
И мимо меня
проплывает какая-то тётя,
а, может, и дядя,
но точно, что в круге и в ластах.
Все звуки - зачем?
Я тогда закричала от горя.
Не сдвинулись с места
ни жизнь, ни перо из подушки.
Ни звука, прошу.
Это море, огромное море
до горизонта чернеет
от каждой плывущей макушки.

ОГОНЬ

Где тот огонь, к которому впервые
Мы, дикие, решились подойти?
На палке унесли в руках стихию
И гордо берегли её в пути.

Теперь, конечно, спички, зажигалки,
Но сон на днях случился у меня:
Передают огонь от палки к палке
Усталые Хранители огня.
И вот один, последний, обнаружил,
Что некому святыню протянуть.
Хранителю преемник срочно нужен.
Шикарно «повезёт» кому-нибудь...
Кому-то из сегодняшних, живущих
Придётся занимать пещерный трон.
Вчера я шёл по улице. Мне грузчик
Дал прикурить. Сказал: «Первоогонь»...

РЕГИНА СОБОЛЕВА

(Вологда)

Родилась в 1987 году в Казани, жила в Новом Уренгое, затем в Вологде. Студентка ВГПУ (Отделение журналистики), с весны 2007 года занимается в студии «Лист». Автор двух сборников: «Черно-белый альбом» (стихи, 2007), «Милосердие» (проза, 2008).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ № 3

Улица у лица,
потому что впритык к окну...
Местоимения вместо я,
потому...
Потому что в доме рассвет,
немолкнувший вечно...
Да потому что и дома нет,
потому что только мои плечи...

Мост за мостом,
как в городе сфинксов... я
пробиваю лбом
только там, где моя земля.
Солнце, фонарь, свеча -
одинаковость упрощений -
этот, другой, я...
одинаковость непроститель.

Снежная нежность, вечер,
я нахожу на ходу...
фонари, солнца, свечи -
должно быть, я сплю.
В городе не достать
звезд, когда очень хочешь...
Поэтому хочется спать,
хотя, наверно, не очень...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ № 5

Это неважно, как по дороге внизу, у подъездов,
Странный выход имеющих, прямо в поток,
Ходит ночами в оранжевой шляпе железной
Мой маленький, умненький, славный прыг-да-
поскок...
Неважно совсем, как рукой своей невозможной
Он делает «Оп-ля!» и зовет, как зовут для зари!!! -
И тут теплой и мокрой становится всякая кожа
В ее очень всегда возможно «ори, но умри»...
Ах, не все ли равно, что я знаю его осторожность,
И тоже всегда проверяю, нет ли там за окном кого
-
Так атеисту хочется встретить к лицу безбожность,
И бросить обратно иль в дар, как всегда, и в лицо!
Это неважно, что там, где он скачет, где делает
«Ну!»,

Мне хочется делать «Ах, возьмите в свою игру!»...
Но только тогда, когда я уже не смогу -
я продолжу игру.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ № 7

Особенно славно считается до одного! -
Наверное, потому, что дальше не миллион и не сто.
И так же славно в большой стране на ее же дно
Опускать на веревке всех тех повесившихся, что не
то...
Как у того, что помните, «как не помнить!»,
Выбирает из ягодного садка чуть-чуть и слегка,
То что всех нас, да-да, несомненно, смогло б
успокоить,
Но то, отчего мы сразу бежим проверять кулака.
А под каждым деревом - нет не стол и не дом,
А виселица, ибо климат пригоден только на «здесь»
Каждый чужой - все равно, что родной и свой»,
Только это не помешает в голод его с потрохами
съесть.
И нужно читать, прерываясь на «н-да» и «хи-хи»,
Устремляясь порой речитативом вперед -
И какие дурацкие все-таки рифмы на слово
«стихи» -
И как непреложен законов веревки свод.
У времени одна цифра, сколько б не пел циферблат.
И это двузначность не полнит, а нашу подавно.

Наверное, если б реальное время, то только «свят-свят!»...

До одного считать, видимо, слишком славно.

У боли в сердце есть прекрасный повод -
По одному покою одиноких - голод.

* * *

Я ем лед. Я пью снег.
Я дышу студеными ветрами.
Я - арктический человек
С острыми как бритва зубами.
Я съем вас и выплуну кости,
Да я любой хрящ прожую.
Ну, пригласите монстра в гости,
Я вам спляшу и песню спою...
Я вам скажу: «Ну что же, не ждали?»
И откушу у кого-нибудь руку.
А? Простите, вы что-то сказали?
Хотите, прогоню вашу скуку?
Спляшу и станцую, поем и вздремну -
Я северный монстр, я это люблю.

Из цикла
«ОДНОЙ ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ»

Нелепость лепета, обычность будних дел,
И тишина у тишины в запрете...
В до фильтра выкуренной сигарете
Стон легкий в миллионы децибел...
Ты куришь, занимая руки.
И в тишину бросаешь завитки
Не дыма, пепла. Под запретом звуки,
Они опасней дыма и легки!
Молчишь, стоишь и куришь...
Куришь в меня, меня смолишь внутри...
Протягиваешь с глупым: «Будешь?»,
Не буду, знаешь, и не жди.
Но погоди, ты прав - слова страшнее.
Дай прикурить -до фильтра, так и знай.
И выбор в три секунды - выбирай!
Ты вырвешь дрянь из рук. «Успеешь!».
В прокуренном Аду, где кто-то дышит,
Сегодня тише, чем обычно и всегда...
Ты сер, как пепел, милый! - Ерунда! -
И тишина нас так и не расслышит.

ДАРЬЯ КУТЯШОВА

(Кадуй)

Кутяшова Дарья Анатольевна, 17 лет, ученица 11 «А» класса КСОШ № 3, родилась и выросла в поселке Кадуй Вологодской области. Призер районных и областных олимпиад по литературе и русскому языку. Любимый поэт – Владимир Маяковский. Интересы: художественная литература, философия, психология, история, политика.

МЕРТВАЯ ГВАРДИЯ

*«Мы мертвые,
но мы живее всех живых...»
Красные Звезды.*

Втыкаем нож в белую тряпицу,
Ругаем вдрызг нашумевший выбор,
Плюем с небес на оголтелое общество,
Давимся вашей прелой Системой,
Чувствуем ложь ежедневной вести,
Знаем приток новой Красной мести,
Скажем потом, посмеемся рьяно,
Сделаем шаг да пойдем упрямо!
Станем слепыми, как ваше небо,
Станем немыми, как ваше утро,
Станем живыми, как ваша пуля!
Славить стабильность бродячей жизни –
Ваши порядки нелепы, как мода,
Как покровительство глупого люда,

Как безобразие вашего плена...
Оседлаем лошадь вашего бога,
Двинем к заре, на Восток, на волю,
Скажем в лицо вашу злую правду,
Выгоним всласть ваши нормы права!
Вымрем, как масть вихревого стада-
Молча, геройски, приняв погоны.
Руки вскинув революционно,
Последний залп дадим достойно!
Примем крамольную смерть свободы —
Похороните нас не с вами!

* * *

Осколки забыли,
Что значит помнить?
Слезы упали, разбились,
В грязь,
Вскользь,
Вкривь —
Не надо больше думать!
Поезд полетел без машиниста,
Ноги понесли без перегрузок.
Книги выворачивались
Наизнанку,
Наружу,
Кричали, кровью плевались,
Опустошающе их стертые руки тянулись,

Натыкались —
Глохли.
Переводы
на людской язык
окончены.

Выпьем за здравие!
Ляжем за упокой,
Глаза закроем
И будет тихо,
Вселенно,
Кармически.
Оплеванные глаза поэта
Глядели широко на солнце,
Которое вдруг стало
Оладушкой...
Смотри — не испачкай рук!
После такого разговора
Мне оставалось
Пулю в лоб
И никогда не видеть,
Как бывший Мир
Умер
От запустения развития.

НЕ ГОВОРИТЕ МНЕ О ПОСТОЯНСТВЕ!

Когда ты говорил мне о счастье,
Мне снилась кровавая бойня,
Летающие пули
И чьи-то руки отдельно от...
...Ты возвращал меня
и говорил о том,
что быт захлестнет всенепрерывно...
А облака текли,
Страшные в своем постоянстве,
И река текла,
А в ней глаза,
Оторванные на моей войне,
А в них пчела,
Убитая свершившимся домом.
А в доме — гроб,
А в нем моя гниющая суть
В предсмертных судорогах.
Кто не боится ржавого ножа,
Тот обретет еще свое.
Эх, где моя винтовка?!

А ты как-то напролом да наугад
Встрепенулся.
В сторону Третьего Рейха
Потянулся скулящий маузер,
Но стал недоступен,
Как четвертованное свастикой лицо,
Да отвоеванное верой Ничто.
Зачем-то сложное стало Почему
И больше недовопрощалось.

НАТАЛИЯ БОЕВА

(Вологда)

Родилась в 1985 году. В 2002 года закончила школу №1 и иняз ВГПУ в 2007 году. публиковалась в газете «Ступени», пресс-релизе студии «Лист» №207, журнале «Новые облака» (Эстония). Участница фестиваля «М-8» (2007).

* * *

я заклеиваю окна сушеными крыльями бабочек,
затыкаю щели сахарной ватой
из аптечки старшего брата
(он лейтенант запаса медицинской службы)
мы пьем чай с йодом,
когда хочется яда,
а еще он говорит, что раны души
должны дышать,
и не надо
заматывать их в бинты.
между рамами паучок распятый
на липких ленточках лейкопластыря
горько плачет над своей коллекцией
сушеных крыльев мотыльков и бабочек,
он, наверное, прототип
«коллекционера» Фаулза...
и давно зарится на мои крылья —
в паутину меня,

долгожданного яда,
и долго сушить между рамами.

ПЕНЕЛОПА

за что-то разгневались боги —
долго будешь скитаться
между Сциллой «люблю» и Харибдой «расстаться»

лет через двадцать вернешься, и ладно —
бесконечная твоя одиссея.
только здесь не Эллада,
и ткать я совсем
не умею...

КАРМАННАЯ КАРМА

такая хитрая штука карма-
ны. там всегда есть какая-то дырка,
на всякий случай забытое Дао,
теплые пальцы друг друга душат —
молились ли на ночь? — карманная драма.
деньги кармические (днем прокормиться) —
ментальная грязь позaproшлых жизней,
астральный ошейник собачьего плана
и мокрые рукавицы....

ПЕСНЯ ПЕРЬЕВ

слушайте песню перьев
над быстрой рекой!
две тысячи лет назад мне был обещан покой,
странно, но я до сих пор в это верю.

он разговаривает с деревьями и камнями
и наблюдает днями,
как я вырастаю ступнями,
ухожу глубоко
в землю.
я две тысячи лет боюсь, что он мне подарит покой
остаюсь немой
и внемлю
песне перьев.

то, что зовется мной —
лишь пара закрытых глаз,
да сомкнутый рот.
а он великий шаман, и он непременно найдет,
пусть не сейчас,
но услышит в голове моей птицу.

птице — тесно,
птице — место
на воле.
он ее выпустит
рано ли, поздно ли.

и боли
больше не будет.
и это меня убьет.

* * *

мама у вики — картина Гольбейна:
строгая, как святая. дочка тоже, с той лишь
разницей,
что есть в ней и что-то от ведьмы.
многим она не нравится,
остальные просто не связываются,
так как вика может ответить.

у леры длинные пальцы,
такими душить хорошо, по горлу кольцом
сжиматься.
у леры мама начальница,
муж очень крутой тоже.
лера сама ни на что не похожа (на вiku только
немножко)
лера просто — красавица,
у леры смуглая кожа.

в дневниках у обеих сны и
гадания на кофейной гуще.
вика с лерой подружки,

вика с лерой игрушки -
заводные
куколки Вуду.

* * *

открутили голубю голову
да не с голоду, а так — любопытно было
а ты говоришь - париж
андрюша варил голубей
на октябрьской улице в городе л.
и рецепты французских королей
снять мясо с костей
изрубить вместе с сердцем зобиком печенью
кости в ступке истолочь
залить бульоном поставить вариться
тут не причем
и картины пикассо -
он просто о них не знал
такая бестолочь
а питаться хотел изысканно
исключительно птицами мира.

* * *

солнце-из-всех-подворотен,
ка-пе-ль-ка-ми капель,
а ноги вязнут в сугробах —
неважно!

ты только верь
в любовь до гроба
и прочую лажу...
и вроде,
слышишь?

выводит

ветер на заборе, как на афише:

«МОНОСПЕКТАКЛЬ «СОЛНЦЕ-ИЗ-ВСЕХ-
ПОДВОРОТЕН»

на сцене одна

актриса — ВЕСНА.

Спешите! Спешите! СПЕШИТЕ!!!»

ПАВЕЛ ШИРОГЛАЗОВ

(Череповец)

Родился в Череповце. Член литературного салона «Окраина», регулярно участвует в различных поэтических вечерах и концертах. Публиковался в газете «Октябрьский мост» (Череповец), журнале «Нахаленок» (Череповец), альманахе «Илья» (Москва), коллективных сборниках «Мозаика души» и "Голоса». Призер конкурса памяти Ильи Тюрин (Москва, 2003) и фестиваля «Гора-2004» (Шекснинский район). Лауреат конкурса поэтов, посвященного А.Башлачеву (Череповец, 2000).

* * *

Посмотрев нечаянно на луну,
Я залезу в спичечный коробок.
Там тебя вполголоса проклянута
И любовь, наверно, сверну в клубок.

Покатаю шариком по руке
И отдам котенку: играй, дружок...
Я пожил бы в спичечном коробке,
Только где мой спичечный коробок?

МОНОЛОГ ТРАКТИРЩИКА ИЗ ПАРУАРА

Мой друг Франсуа Вийон —
Бродяга, поэт и вор —
Заходит хлебнуть вина
На мой постоялый двор.

Пою я его в кредит,
Как водится, каберне.
Глядишь, он стихи родит
Когда-нибудь обо мне.

И, может, еще не раз
Оплавит вийонов дар
В потоке жаргонных фраз
Занюханный Паруар.

* * *

Отовсюду слышится
Петушиный плач.
И стихи не пишутся.
И душа — в калач.

Выделив причастие
Запятой,
Вновь иду по улице

Не по той.
Лишь луна отчаянно
С высоты:
«Эй, поэт нечаянный,
это ты?»

ДОМОВОЙ

Тише! Видишь, там, за дверью,
С рыжей головой...
По народному поверью
Это — домовой.
Ищет, баловень, съестного —
Знамо, чуткий нюх:
Там, у шкафа подвешено --
Горстка печенюх.
Сыщет, завернет в платочек,
Прыгнет на чердак.
Он ведь тоже кушать хочет,
Маленький чудака.

* * *

Не ведая, что творю
(В чем, видно моя беда),
Я глупости говорю.
И делаю иногда.

АЛЕКСАНДРА ЛОГИНОВА

(Белозерск - Вологда)

Родилась в Вологде в 1986 году. Начала писать около 2000 года, публиковалась в газете «Новый путь» (Белозерск), «Университетской газете», газете «Ступени». Студентка 4 курса факультета социальной работы, педагогики и психологии ВГПУ. В 2007-2008 гг. посещала студию «Лист» в центре «Северная Фиваида».

* * *

Сумерки тянутся пряжей
Ласковой шерстяной.
С тобою тихонько присядем
Гадать над счастливой судьбой.
Слышишь? В разлете поленьев
Шепот таинственных букв.
Дышит дождем воскресенье,
Не разнимая рук.

* * *

Я откупаюсь от тебя истиной
И сделаю так, чтоб нам было здорово
Жить в нашем маленьком мире приисков,
Слитков которых не разменять на золото.

* * *

Доверяешь мне, своей как прежде
Маленькой русалочке на дне.
Домик из печали и кореньев
Сложен повелителем всех рек.
По ступенькам к берегу тихонько
Поднимают струи и пока
Нам с тобой не холодно ни больно,
Путникам влюбленным в мотылька.

* * *

Легкий кисточки полет,
Небо как лазурь.
Вдаль уходит самолет.
Унося слезу...

* * *

Дом-корабль,
Измученный в штормах.
Потрепали бури жизни стекла.
И свисает с крыши бахрома
Из сосуллек, таяньем истекших.
Посидеть бы в комнате-каюте,
Тешась вдосталь тишиной живой,
А потом поведать с суши людям,
Как качает время над волной.

* * *

Полетели со мной в страну,
Где песок закрывает время,
Полетели со мной в страну,
Где ни холода нет, ни снега.
Там причудлив восточный рай,
Ароматами вскружит пряность.
Полетели со мной туда,
Самолетов не дожидаясь.

УГОЛОК ЛЕТА

Наш пляж, наш старый уголок,
Где мимо катера в закат уходят.
По вечерам прохладный чуть песок,
Последний запах лета где-то бродит.
Как сгорбленный и странный пилигрим,
Разбрасывает запахи и звуки.
На небе звезды зажигая для двоих,
В пространственном соединяя круге.

* * *

Мы будем жить среди зимы,
С тобой, пока не схлынут вьюги,
Творить изыски красоты
У старенькой плиты на блюде.
А перед сном на потолке
Чертить узор воображеньем,
Шептать о пушкинском коте,
Плывя по сказке сновидений.

* * *

Последние кусочки снега,
И тает вечер за дверьми.
Весна растащена до неба,
Все по кусочкам, по любви.
А мне закатная полоска
Милее щебета всех птиц.
Как тонкая свеча из воска
Пусть догорит.

АЛЕНА РОДИНА

(Череповец)

Я — актриса и поэтесса. Выпускница Череповецкого Государственного университета (факультет филологии). С 1994 по 2000 годы занималась в народном драмтеатре под руководством В. Ф. Пыльникова. В 1999 году входила в поэтическое объединение « Орден нарциссканцеv». Неоднократно печаталась в местных газетах, в альманахах «Череповец», «Воскресенский проспект». Выпустила два сборника: «Ночной Гаспар» (2002), «Волки» (2005), а также принимала участие в сборнике «Голоса» (2003). С 2001 года — актриса Камерного театра режиссёра Татьяны Макаровой, а также комик-труппы «Чандер-пепс». Организатор творческого объединения-салона «Окраина» (2001). В 2003 заняла второе место в городском конкурсе поэтов, посвященном 200-летию Ф. Тютчева.

* * *

Прирученные волки, мы вонзаемся лапами в снег,
Мы бежим от хозяев, от их недоношенной жизни.
Наша пища — в лесах, ну а пьют волки прямо из рек,
На вес золота — когти, клыки. У нас нет дешёвизны.

Нас не те выбирают, и мы выбираем не тех
На высоких уступах кривой и неправильной жизни.
Вправо — шаг, влево — шаг — и все тот же
пронзительный смех,
Как ни крутишься — точно идёшь к своей собственной
тризне.

И поэтому мы выбираем стихи и абсент,
Ну а нас выбирают шестые палаты с пеленок.
И пускай мы рождаемся только на несколько лет,
Зато жизнь мы вдыхаем ноздрями, и вкус ее тонок.

Наши роты редеют, отряды сомкнулись в каре,
У нас нету законов, а полные души заветов.
Тяжело нам в лесу, но еще хуже — жаться в норе,
Вымирающий вид уцелевших в России поэтов.

* * *

Все говорят, что с небосвода
падают только звёзды.
А сегодня упала Луна и разбилась
на тысячи маленьких серебристых осколков.

Я подобрала один
и унесла в свой дом.

У меня нет зеркала,
и я не вижу своего отражения.
Теперь у меня есть осколок Луны,
и я почти Нарцисс.

* * *

Мой муж - вампир. Его высокий лоб
Схож с лбом аристократа и убийцы.
Он курит трубку и почти не пьёт
И по ночам ему никак не спится.
Он тонко бледен. Любит трость и мех
Его мохнатый плащ тяжёл и страшен.
Но я люблю его холодный смех,
Когда рукою легкой в след мне машет.
Так и живём мы в домике у скал.
Я по утрам кормлю голодных чаек,
Он убирает книги со стола,
Готовит завтрак и печенье к чаю.
Я никогда не замечаю сор:
Мой муж по-королевски аккуратен.
И не бывает в нашем доме ссор,
Опережают мой упрёк объятья.
А по ночам приносит мне цветы,
Я засыпаю как в оранжерее...
Чуть рассветёт - он вновь со мной на «ты»,

Но по утрам он мягче и нежнее.
Люблю его, но что-то не даёт
Мне спать легко до самого рассвета.
Лицо испанки, шведки алый рот,
Взгляд итальянки жалит нас с портретов.
Любовниц галерея, слуг и жён...
Не позабыл ли он дыханье каждой?
И был ли смерти новой поражён?
И плакал ли по ком из них однажды?
Вы все увяли,- ночью ли, к утру,
А может, днём, как те цветы в корзине..
Не осуждайте, злясь. И я умру.
Шепнёт другая: «Про неё скажи мне».

* * *

А я вернусь в великий час Обмана,
Когда твой пёс задремлет у ворот.
Приду в твой дом и на пороге встану,
Когда гостей уже никто не ждёт.

И спать не дам до самого рассвета,
И в полусне не дам закрыть глаза.
Я расскажу тебе, как падают кометы
И как на море выются паруса.

И ты задышишь шалой лихорадкой,
Озноб проймёт твою больную грудь.
А я скажу, как целоваться сладко,
Как сладко мне к щекам твоим прильнуть.

И будешь ты от ласк моих метаться,
Как вора, как беду из дома гнать.
А я скажу, как мне легко смеяться
И на твоих ладонях умирать.

ТЕАТРУ

И снова я на этой сцене,
Правдоискатель, лжец и шут,
Служитель гордой Мельпомены,
На зрительский представлен суд.

Но кто бы знал: когда отыгран
Спектакль, затих оркестр и свист, -
Я плачу над своей победой,
Над маской в полутьме кулис.

Цветы, поклоны, писем стаи...
Но лишь когда придёт покой,
В лицо перчатку мне бросает
Моя несыгранная роль.

ПОЭТЫ

*Будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей.
А у поэта — сплошной запой
И мало ему конституций.*
(А. Блок).

Вы забиваетесь
В своих душных квартирках,
Как тараканы, -
Кто — на кухне, кто — в сортире.
Думаете только
о еде и о стирках
(Конечно, это легче,
Чем о духовном мире).

Души ваши —
Стёкла без изъяна.
Не заинтересовало бы даже
Перо прозаика.
У вас не чувства,
А ощущениеца (без фонтанов).
(Конечно, это проще,
Чем чувственная мозаика).

Ходите на работу —
и трудитесь от звонка до звоночка,

Протираете штаны и юбки
И мечтаете о получке,
Носитесь по врачам
С геморроем и болезнью почек
(Конечно, это умнее, чем из-за одной рифмы
Месяц себя мучать).

Правильно говорите, живёте,
Иногда матерясь сквозь зубы,
Только по праздникам пьёте
И болеете от элементарной простуды.

А мы — алкоголики мозга,
в нас — стихи —
96 градусов спирта
и килограмм перца,
Мы — наркоманы духа — и дозы
одной — нам мало. Мы умираем
от остановки сердца.

И не нужно жалости,
мы принимаем лишь сострадание,
пожалейте себя,
как слепых котят.
Нам от вашего спокойствия,
от вашего прозябания
хочется навзрыд плакать.

Мы перед вами,
как на прицеле,
не надо оскорблений:
- Стреляйте!
Мы в этом мире вещей и денег —
Нищие, юродивые, -
- Уважайте.

П Л Ю С

Д В А

ДЕНИС МОРОЗОВ
(Вологда)

* * *

Мне до точки кипенья -
сорок градусов водки,
и мои откровенья
снова встанут у глотки,
и продутое дулом
пересохшее горло
среди шума и гула
разберёт на аккорды
след от шрамов незримых,
незатянутых ран...

Раз до ручки дошли мы,
значит дёргай стоп-кран.
Раз до ручки дошли мы,
значит я расписался
в том, что кончились силы,
только вектор остался.
Он ведёт по наклонной,
он ведёт 6:4,
и мои мегатонны
вновь мечтают о взрыве...

ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Мне хочется повыплевать всю грусть
на тротуары сонных переулков
и позабыть, что я ещё боюсь
носить, как Имя, звание придурка.

Мне хочется разбить все зеркала,
и окунуться в месиво осколков,
и позабыть, что ты ещё ждала,
а я уже вошёл в число подонков.

Мне хочется порвать календари
и сжечь так надоевшие мне даты!
И позабыть, что раньше говорил
о времени, ушедшем безвозвратно.

Мне хочется орать до хрипоты
и кровью смазать выжженное горло!
И в рамках безграничной суеты
вдруг затеряться между двух аккордов.

ЕЛЕНА ЗАГРЕБИНА
(Череповец)

* * *

Вы не прячьте спички от меня,
Не старайтесь, всё равно найду!
Пепел - это память от огня.
Снова воскрешать её иду.
Наломаю, как ведётся, дров,
Розовое пламя сотворю,
Принесу огонь к себе под кров
И какой-нибудь отравы наварю.
Только короток румяный век огня..
Серый пепел - мне знакомый след.
Если память не убьёт меня -
От отравы будет много бед.

КСЕНИЯ ПАРЫГИНА (Нюксеница)

* * *

Мы дети сонного царства,
Мы дети, лишённые грез,
Способные жить и расстаться,
Любить, умирать, дышать и встречаться.

Мы люди, не знавшие жизни,
Мы люди способные лгать,
Способные жизнь опровергнуть в минуту,
И снова достичь, и снова отдать.

Почему есть на свете такие?
Мы только такие.

АЛЕКСАНДРА ШАЛАШОВА
(Череповец)

ДРАКОН В БОЛОТЕ

Облака пронесутся неведомым флотом,
Будет каждый корабль — Летучим голландцем,
Если крылья однажды коснулись болота —
Ты больше не сможешь летать.

Не пытайся.

На весеннем ветру полыхают перроны,
Я тебя утешать, мой хороший, не буду,
Отчего в городах умирают драконы?

От сгоревший любви.

И простуды.

Когда ведьма молилась, и черти гадали,
То ль тянуть из болота, то сразу — на вилы,
Что асфальт и компьютеры сделали с нами,
Города для драконов — могилы.

Когда все порвутся знакомства и связи,
И флот в облаках будет так же неведом —
Увидим, как звезды болотною грязью
На город посыпаются с неба...

ВИКТОР МАНГИРОВ
(Белозерск)

* * *

Ты ничего не увидишь в глазах напротив.
Ты ничего не узнаешь из слов поворотов.
Ведь ничего не скажу я, в молчании ветра
Горечь мыслей откроет твоей радуги спектры.

* * *

Летит по небу птица,
Летит по небу, к морю,
Летит, земли не видя,
Летит, как ты за мною
Летишь, как мотылек на пламя,
Летишь, не видя боли.
Летишь, слезой омыта.
Летишь к своей неволе.
Лети скорее к солнцу, к свету.
Лети из тьмы, к свободе.
Лети в края, где боли черной нет.
Лети туда, где радость к жизни бродит..
Но не туда, где светит мой, извечно лунный свет.

ВЕРОНИКА БАШКУРОВА
(Каду́й)

МАСТЕРСКАЯ

Складывалась

я

медленно, Но верно.

Упаковками глицина

И окриками Летова;

Мрачными дорогами,

Выводами самой себя

Из суицидных расстройств

За холодную руку;

Толканиями себя вперёд

Больно по спине;

Дидактическими книгами, Оптимистичными, и без
этого вовсе, Но всегда

победными ярко; Всплесками творчества

В разных стезях;

Добровольным и загнанным одиночеством,

Свирепю зарешеченным;

Любовью нараспашку,

Тупо бьющейся об общепринятые стены;

Смелостью и свободой,

Заточенными в законность; Разочарованиями и
страхами,

Что неустроенное неизменно;
Сильными людьми, друзьями, братьями
И просто своими;
Молчаливо ответствующим распятием И
стыдящим малым куполочком...
Оплавилась я в добрый металл, Твёрдый в
определенной степени. Теперь
знаю

ТОЛК

в плавке.

ТАТЬЯНА СНЕЖИНА

(Чагода)

* * *

Не надо нам красивых слов,
Невольно опущу ресницы.
Возьмет ли ночь под свой покров,
И свет луны прольет на лица.
И робкие касанья рук,
Чуть осязаемое дыханье,
Еще несмелый сердца стук
Проступят с таинстве молчанья.
Февраль, метель, и только в снах
Мечтала ощутить объятья,
А в глубине рождался страх,
Рука твоя коснулась платья...
Метель уж замела крыльцо...
А ты меня вгоняешь в краску —
На руку правую кольцо
Надел с особенною лаской.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛЕНКО

(Череповец)

* * *

Как много слышим в тишине,
Во этом сладостном покое,
А тишина всегда во мне,
А тишина всегда со мною...
В ней всех познаний вышина,
В ней пик важнейших откровений,
Душа в молчаньи лишена
Печалей, горестей, сомнений...
Прекрасен мир в тиши безмолвной,
Лишен привычной суеты,
И мысли откровений полны,
Не это ль мир моей мечты?
И время вдруг остановилось...
Лишь листьев шорох нарушает
Сон и покой. И снова к жизни
Из мира мысли возвращает.
Мне мига одного хватило,
Когда в безмолвной тишине
Меня раздумье поглотило...
А тишина... Она во мне...

* * *

Театр - целый мир.
В нем - принц и нищий.
И княжий ратный пир.
Какой не сыщешь...
За роли королей -
...Сколько сражений.
Чтоб быть важней, сильней...
За власть на сцене.
Сюжет всегда один -
В ролях, как прежде -
Актер, что господин,
И слуги-пешки.
С поникшей головой,
Как звери в клетке.
Без ниток над собой -
Марионетки.

Заложники судьбы -
Бессильны сами.
Играете не вы.
Играют вами.

АРТЕМ КУЦОЛАБСКИЙ

(Вологда)

* * *

Зачем мне даны эти планеты,
которым нет числа,
которые как хлопья,
тающие на руках забытого бога?
На теплых руках - холодные снежинки
осыпавшихся планет.
Взгляните на небо.
Ни единой звезды!
Вот так - горите!
Подброшу и я одну-две,
радость мою подброшу,
сердце мое подброшу,
как тростиночку
в костер,
как щепку
подбрасывает море -
так и я
свою растерянность,
свое окаменение.
Зачем мне даны эти руки —
холодные и белые,
в беспамятстве смявшие края космоса,

как фотографии,
отпечатанной в бело-черном и в сепии,
вложенной в альбом госпожи,
кожей бледною,
у которой я — ни третий, ни четвертый,
и потому
отправленный на казнь,
как на помилование,
соляной столб оглянувшийся,
ожидающий превращения обратного.

* * *

красные лепестки в белой руке
тонкие царапины на бледном запястье
горячие губы прижались к холодному плечу
кончики пальцев скользят по коже
ладонь прильнула и замерла
неподвижность глаз свидетельствует
наклон головы предостерегает
даже объятие готовит
последнее танго
нет мира извне
нет зиме

Евдокия Кузнецова

(Белозерск)

* * *

Свет летит навстречу воле,
Хлопья тают на ветру.
Ночь летит, как птичка в поле,
Всё исчезнет поутру.
На ресницах снова льдинки,
Не растопит их тепло.
Черно-белые картинки
Не раскрасить всё равно.
Вьются вороны над крышей
В облаках безумной тьмы.
Ночью нас никто не слышит,
Ночью мы совсем одни...

П ЛЮС
ТРИ

НАТА СУЧКОВА

(Вологда - Москва)

Родилась в Вологде в 1976 году. Публиковалась в столичных и провинциальных журналах, альманахах и коллективных сборниках. В течение четырех лет издавала в Вологде альманах «Стрекоза». За издательскую и творческую деятельность в 2000 году получила Пушкинскую стипендию Международного ПЕН-клуба и фонда Альфреда Тёпфера (Германия). Учится в Литературном институте им. А. М. Горького. С 2002 года живет в Москве.

* * *

На Остоженке пахнет ладаном,
Позолотой осенней сусальной,
Шаурмою, хурмой, ханом Батыем
И неистребимо — Рязанью.
Словно шарик к рюкзачку привязали
Суею, беготнею вокзальной,
Тем, что мы безнадежно устали
С поездами, следами, слезами.
На Остоженке пахнет Боженькой,
Облаками в прожилках творожными,
Тем, что непоправимо и прожито,
На Остоженке пахнет прошлыми,
На Остоженке пахнет Ожеговым
И афишным путеводителем,
Воробьями, дождями, крошками,
Номерами дробными, литерными.

На Остоженке пахнет кошками,
Молоко по ладони стекает,
На Остоженке пахнет брошенным
И не пахнет стогами.

* * *

Но я расту быстрее травы,
намного, намного быстрее...
А то еще — облако, ничего интересного,
Тыходишь в траву, и оно качается
Так низко, что можно панамкой детской
Его коснуться и сдвинуть нечаянно.
И ты напуган, что небо падает,
Такое близкое — только тронь,
Но ляжет спелой огромной ягодой
Ручное солнце в твою ладонь.

САПРОПЕЛЬ

Возле озера Неро, под илом,
Под сосновой смолёной корой,
Спят любимые мои могилы,
Укрываясь водой с головой.
И, заросшая тиной и лескою,
Чешуей набивая рот,
Над тягучей водою пресною

Моя старая лодка плывет.
И болит у лодки уключина,
И скрипит, как больное колено,
Парусиновой белой брючиной
Задевая озеро Неро.

* * *

Дачник мой август, тетрадь на столе,
В ней по линейкам ходят трамваи,
Я к твоим буквам язык прижимаю,
Но за щекою поет карамель.
Тут, за щекою, поет, говорю,
Дырочкой хрупкой, стеклянной, глубокой,
Яблочным розовым треснувшим боком,
Как здесь вместиться еще букварю?!
Но на минуту всего повзрослеть —
В сладкой слюне карамелька растает,
Дачник мой август тетрадь пролистает,
Встанут трамваи, и нечему петь.

* * *

Большеротым птенцом, садоводом прожженным
Я глотаю шмеля, как мохнатый крыжовник,
И на вкус не могу узнать.
И стою рядом с мамой, шмелем пораженный,

Но гудит во мне шмель, он — живой, не прожеван,
И в ладони мои, как крыжовник тяжелый,
Опускается благодать.

* * *

В городе, Богом данном, у самого синего Черного,
Как на диване продавленном, скрючившись на песке,
Павел лежит и курит, слова из себя вычеркивая,
И полоса на шее его начинает краснеть.
Дальше, но пленка кончилась, скрипнут по снегу валенки,
Скрипнет, чуть наклоняясь влево, перо гусиное,
Павел лежит и думает великое государево,
И газировки хочется — радостной апельсиновой.
Да, газировки б здорово — в пену, как в море, броситься!
Хрипло гудят динамики и ударяют в медь,
И прибывает скорый Санкт-Петербург — Феодосия,
И полоса на шее, не надо туда смотреть.

* * *

Откуда взялась Марина?
Из пены без слез? Пластилина?
Из желтого мандарина
косточки плюнутой выросла?
И нет и да.
Ерунда.
Марина была всегда.
Сидит на ковре и ногами босыми
рисует круги по воде,
по мягкому ворсу,
рисует знаки вопроса
острыми коготками по белой твоей спине,
в красный ее раскрашивая.
Откуда взялась Наташа?
Из славного бурга Ростова?
Из Льва Толстого?
Из белого льна простого?
Из золотого руна?
На опеле стареньком въехала
в шагреновой кожанке всклоченной
с шенгеном просроченным,
целует тебя в многоточия,
гуляет тебя в воскресения.
Откуда взялася Ксения?
Из шерсти какой связалась?

Из облака из осеннего,
из физкультуры в бассейне,
из каждодневной рассеянной
привычки что-то отсеивать,
умения плавать брасом и
так широко разбрасываться,
как улыбаться.

ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВ

(Вологда)

Закончил Московскую государственную академию леса. Живет и работает в Вологде инженером-электроником. Сборники «Ванна в отеле», «Луна и чайник», «Капли из крана», «Кругами», «Русский рэп». Участник программы «Мифология провинции» (Кострома, 2001), Съезда молодых литераторов в Малеевке (2002). Член Союза Российских Писателей.

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Двери закрыты, задёрнуты шторы.
День умирает, печальная участь.
Тени крадутся в квартиру, как воры
И у вещей похищают их сущность.

Там, в глубине, на дрейфующем ложе,
Два обнажённых прекрасных создания,
Не шевелясь, ни о чём не тревожась,
Мирно покоятся в сладкой нирване.

Нежная кожа, спокойные лица.
Жребий грядущий ещё неизвестен.
Самый безжалостный в мире убийца
Скоро войдёт и увидит их вместе.

Он ни одной не оставит улики.

С виду всё будет спокойно и мирно —
Эти же позы, тела и улыбки.
Та же квартира, средь прочих квартир, но

Чуть уловимый запах распада
Всюду проник и осел среди пыли.
Стала видна обнажённая правда —
Эти два тела уже подменили.

Утром они ощутят перемены,
Но будут спать как ни в чём не бывало.
Тайный преступник исчезнет со сцены,
Взяв с собой сумрак, своё покрывало.

В том, что случилось под тёмным покровом —
Правда и вымысел наполовину.
Тени бледнеют и солнце готово
Новому дню перегрызть пуповину.

Н. и Л.

Снова спелая осень листвой забросает могилу
И дороги сквозь дождь устремятся в злосчастный
январь.
На пороге, не снявши пальто — Николай и
Людмила.
И авоська с портвейном гремит, что подавший

звонарь.

Только что-то не так. Бутафория. Солнце в зените.
Всё давно решено и немислимо сбиться с пути.
Я прошу Вас, Людмила, вы зла на мужчин не таите.
Пусть порою грубы, только где же других-то найти?

Царство твёрдой воды затянулось и кажется
вечным,
Но однажды ручьи, зазвенят, побегут в летний
край.
Со своей стороны я скажу очевидные вещи —
В твоём зеркале женщина — это Любовь, Николай!

* * *

Тихий сумрак российской глуши,
Воздух свежий.
Край медвежий.
Здесь никто никуда не спешит.
И любой звук, рождённый в тиши,
Ухо режет.

Вырастает еловая рать
Сонной стражей.
Странно даже
В кошки-мышки пытаться играть,

Иль смирясь, на себя примерять
Крой пейзажей.

Это место впечаталось в речь
Местом ссылки.
Лесопилки
Затыкают бюджетную течь.
Смысл вещей невозможно извлечь
Без бутылки.

Здесь рассыпано над головой
Звёздно просо.
Дней короста
Нарастает как ком снеговой.
И винить в этом год роковой
Слишком просто.

Обнажается сном наяву
Дно стакана.
Как из крана
Льются мысли. Держусь на плаву.
Впрочем, я здесь неплохо живу
Как ни странно!

* * *

Дом, где живёт пёстрая птица,
Полон веселья, полон гостей.
Яркие краски, румяные лица.
Здесь не бывает дурных новостей.

Птица эффектно сверкнёт опереньем
И распушит роскошный свой хвост.
Птица затмит, пусть на мгновенье
Свет недоступных таинственных звёзд.

Дом, где живёт серая птица,
Вечно задумчив, вечно скрипит.
Как-то тревожно, как-то не спится.
Чай остывает, свечка коптит.

Птица клюёт вечности зёрна.
Голову набок склонит и замрёт.
Время неспешно, время покорно.
Жизнь сотен звёзд за один оборот.

Разные птицы, разные двери.
Разное время в разных домах.
Пёстрые перья, серые перья.
Скука весёлая, звёздная тьма.

Ночь прерывает сомнения и споры.

Я покидаю уютный свой дом.
Вдруг замечаю — мой тлеющий город
Чёрная птица накрыла крылом.

ТЕНИ

Сумерки, тишь и веснеющий лес.
Ты, околдован, удержишься здесь,
Где и не лес, а скорее всего насаждение.
Здесь, где когорты древесных стволов
Тянутся в ряд, не жалея голов,
В небо глядят с укоризною и вождельем.

Сумерки, тишь, но гляди — у ствола
Тень раздвоилась, качнулась, пошла,
Следом вторая, а дальше уже друг за дружкой
Тени безмолвно заходят с боков,
Ты уже пятишься, ты не таков,
Чтобы попасться в нелепую эту ловушку.

К городу ближе, туда, где огни.
Там что друзья, что враги, но они
Всё же не тени, не донные, тёмные думы.
Хочешь забыться, отвлечься, изволь:
Женщины, телеэкран, алкоголь,
Или какая иная подачка Фортуны...

Вот потому-то, мой друг, я и ты,

Словно инцеста бежим темноты,
Или боимся остаться одни в чистом поле,
Или в лесу, но один на один,
Чтобы без поз, без манер, без картин,
Полною грудью вдохнуть этот свет, эту тьму, эту
волю.

АПРЕЛЬСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Это Весна, апрель, за окном кап-кап.
Солнце брызжет вовсю, аж больно глазам.
Я из квартиры, как из-под камня краб,
Осторожно и недоверчиво выползал
На улицу лиц, в царство радужных луж,
Где прежде вечно усталое моё тело,
Зимнюю окаменелость свою нарушив,
Сначала пошло,
потом побежало
и, наконец, полетело.

АНТОН ЧЕРНЫЙ

(Вологда)

Поэт, переводчик. Фамилия настоящая. Учился на вологодском филфаке и в питерском Институте Печати. Работает журналистом. Публиковался в альманахах «Поэтический олимп» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Илья» (Москва), «Планка» (Москва). Призер премии памяти Ильи Тюриня (Москва), Международного конкурса сайта «Век перевода», участник 37-х Пушкинских чтений (Михайловское). Автор четырех поэтических книг. Заместитель председателя Вологодского отделения Союза Российских Писателей.

ОЛЬХОВЫЙ КОРОЛЬ

*Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Goethe, «Erlkönig»**

Кто скачет во тьме — отец иль мать?
Иль шумных теней и листьев рать?
Трепещет конь, неся ездока,
И смертная пена покрыла бока.

И ветер, виляя, по следу вьёт.
И тьму отмеряет копытный ход.
Уста молчаливы хотят пить.
И страшно: способны ль они говорить?

* (нем.) - Кто скачет, кто мчится под холодной мглой? — Гёте, «Лесной царь» (пер. В.А.Жуковского)

Известно: он скачет издалека.
И смертная пена покрыла бока.
Бездонным туманом за ним — молва.
Устало склонилась его голова.

Столетия стелют ему путь.
Устал, но ему не дают заснуть
Мертвый ребенок, прижатый к груди,
И огонек далеко впереди.

ПЕЧАЛЬНАЯ СВАДЬБА

в пионерлагере

Морось ниспускается, благословляя трещины в
асфальте.
Водная мелочь — не разобрать аверс и реверс
Драгоценностей сих.
Искрящийся рис на свадьбе памяти и боли.

Полупросохшая, мягкая, если наступить, лужа,
В которой я ловил жука-плавунца
Пятнадцать лет тому назад.

Гулкие коридоры, пахнувшие отсутствием
людей.

Скрипучий пол, хранящий холод моих детских шагов,
Почти смытый несколькими поколениями уборщиц.

Тропинка —
Там поганки и клещи.
Теперь туда уже можно ходить, но не хочется.

Воздух секут листья, прохладно плача.
Глаза закрываются.
Пропадает дорога, деревья —
Скорбные гости на моей свадьбе с самим собой.

Последним исчезаю я.

В ПРИГОРОДЕ

Прохлада крон. Тихое слово облака.
В серебряной сини — точкою — тает птица.
Теплые ладони окунает
Смерть в юдоли пруда.
Воздух колеблется, будто идет кто.
Но пусто.
Никого нет.
Лишь трава обреченно ржавеет.
Время всплывает в лес,

Оставляя прошлое в поле.
Дыхание застывает в немоте.

Чу! Мертвый ангел аукает тебя в чаще...

ОШИБКА

Оле и Любе

Создатель допустил ошибку:
Из глади плавной райских рек,
Искрясь и рассыпаясь зыбко,
Не тот явился человек.

Она несла в себе Адама,
Но чресел влажных белизна
Была гладка. Садам Эдема
Приплода не несла она.

Их было две. И обе Евы.
В двух лицах сущее одно.
И было вдвое страсти, гнева
В их одиночестве двойном.

И дух Адама нерожденный
Взирал из облачных клубов
На их бесплодную любовь —
Сестер прекрасно-обреченных.

МАЛЬЧУГАН

И словно какое-то другое зреньё.
Рябь и полосы и дрожанье,
Как в старом кино.

Двор — а дальше — ничего нет.
Калитка — а за ней — пропасть,
И воды там низвергаются
В пустоту небытия.

Там чудища и мрази и темень
и кошки и дифтерит и Мамай в трусах —
В-общем, весь остальной мир.

Ходишь туда-сюда,
И ты уже как будто бы корабль,
И нужно скорее этим насладиться.
Нет, «корабль» не потонет —
Твое «как будто бы» пропадет.

И в море двора —
Континент песочницы.
Если смотреть от подъезда —
Австралия.
А от гаражей — какая-то нелепица.
Атлантида?

Пожарная лестница
С непреодолимой и страшной
Четвертой ступенькой.

Не понимаешь, о чем я?
Присядь на корточки.
Убери лишние вершки,
Возвысившие тебя над горшком.
Эти два первых вершка —
Лучшее, что было на твоём пути
К двум аршинам.

* * *

Нырну в сентябрь, выкупаюсь в осени.
И августа возница загрустит.
Мне солнца два - одно вверху, другое в озере,
И третье нужно - чтобы здесь в груди.

И чтоб тихонько так, хотя бы шепотом,
Хотя бы в забытии полночных грёз,
Далёко, за снегами и болотами,
Мой ангел моё имя произнёс.

ВИКТОР КИЧКАРЕВ (Череповец)

Кичкарёв - череповецкий поэт, певец, актёр, журналист.

СВОБОДА В МЕГАПОЛИСАХ

Я примчался
И подарил тебе цветы,
Ты улыбнулась
И пожала плечами.
Я, не взирая,
Говорил тебе - Вы
А ты обалденными очами
Смотрела в меня
И не знала про то,
Что я стал добрее,
Умнее, сильнее.
Ты развернулась
И пошла наугад,
А я от восторга,
Как статуи, робея,
Дыханье сглотив,
Удивлялся всему
И не догадался
Пуститься в погоню.
Я понял, что ты -
Как живой алмаз,

Который в огне не горит
И не тонет.

Вручал апельсины,
Смешил, удивляя
И сам сумасбродством
Своим восторгался,
Пока я тебя безнадежно влюблял
Все глубже и чище
В тебя я влюблялся!

По небу бродили
Угрюмые псы,
Не падая в землю,
Бескрылые птицы.
И бескомпромиссно
Стучали часы,
Как странно и больно
Тобой не напиться.

Я счастлив смотреть,
Еще говорить,
Еще целовать,
Если позволишь.
Я счастлив любить
И окна рубить
В ту тихую гавань,
Мне нужно всего лишь
Фантомом, дымком, дыханьем весны

Быть рядом с тобою
(Но каждый свободен).
Ты чувствуешь только душою
И пусть,
Я чувствую духом,
Да, я не моден.

Ведь классицист я,
Ты - авангард,
Птица свободолюбивая, либо
Вода, либо Свежий Глоток
Хитрющий и в то же время понятный.
Спасибо!
За жизнь, которую ты рождаешь во мне.

ИГОРЬ ЗАХАРОВ

(Череповец)

Стихи пишет с 1982 г. Член Череповецкого литературного объединения. Публикации: «Иностранная литература» (Москва), «Антология мировой поэзии» (Вашингтон), сольный поэтический сборник «Гусляр» и др. Лауреат областных и региональных поэтических конкурсов. Организатор фестиваля «Открытая поэзия» в Череповце.

* * *

Петербургская осень когда-то была ленинградской.
Да в названье ли дело в угрюмый дождливый сезон?
Осень щедро малюет одною лишь серою краской
И ветра в коридорах-проспектах звучат в унисон.

Где в песок, где в гранит волны бьются о Заячий остров,
Преломляя на гребнях гримасы толпящихся туч,
Разрывающихся о щетину обветренных ростров
И по ним оплывающих, словно прозрачный сургуч.

Словно в пику безрадостным старым и новым кварталам,
В красно-желто-зеленых пейзажах стоит Петергоф;
Царскосельскими парками ветер гуляет устало,
Зацепляясь за спицы раскрытых и мокрых зонтов.

Ленинградская осень не стала, увы, петербургской,

Хоть привычно швыряла листву на поверхность
Невы,
Не дано было стать ей со временем более русской,
А пейзажи рожденные - заживо были мертвы.

Зеленеет от злости и времени Петр на Сенатской.
Город сам потерялся в такой переключке времен.
Петербургская осень когда-то была ленинградской.
Да в названье ли дело в угрюмый дождливый
сезон?..

* * *

Упавший прямо под ноги цветок
На пестики с тычинками распался.
И дождь своими каплями в полпальца
Цветок в асфальт вутюжил, как каток.

Я не хотел, но все-таки промок
Под грузом капель минимум в полпальца.
Я б мог уйти, но я стоять остался,
Смотря на то, как прямо из-под ног

В одно касанье, как футбольный пас,
Промокшие светила разлетались.

Они могли бы быть размером с палец.
Они и будут, но не в этот раз.

Прохожие пинали, не щадя
Ни этих капель, ни других прохожих,
Похожую на мокрую рогожу
Метаморфозу летнего дождя.

Я, если мог бы, то забрал с собой
На память эту мокрую рогожу.
Я б выдернул ее из-под прохожих
И заменил дерюгою любой.

ГАЛИНА ЩЕКИНА

(Вологда)

Галина Щекина родилась в 1952 в Воронеже, там закончила университет. В Вологде с 1979 года. Выпускает альманах "Свеча", более десяти лет была старостой литартели "Ступени". Начала писать в 1985, публиковалась в местной периодике, "Книжном обозрении", "Дружбе народов", "Литературной России", "Журналисте", сборнике "Женщины и СМИ: свобода творчества", альманахах "Илья", "Край городов", "Озарение", журнале "День и ночь", региональном журнале "Вологодский Лад". Автор повестей и рассказов, двух сборников стихов. Член Союза Российских Писателей с 1996.

* * *

в вагоне гремучая смесь
недвижимой дрожи, полета
застынешь у поручня весь
белея пугаясь чего-то

ах вот оно что - берегись
та девушка брызжется счастьем
твоя обрывается жизнь
покударослись их запястья

* * *

покуда их плечи дрожат
и рты потрясающе ловки
горит между вами межа
сжигающая остановки

Ну все дуралей не смотри
лицо пряча в черные стекла
и ломка стекла изнутри
льдяного и россыпи около

* * *

ну мальчик скорее вдохни
невидящих слез океаны
пускай так бесстыдны они
что кресла метро осиянны

мы все проходили урок
и ты не избег повторенья
и это не пропасть не рок
а только лишь новое зренье

* * *

На зеленой-зеленой траве
Разливались волос золотые ручьи
Двести родинок это внове
Но они не твои и ничьи

На каленый-каленный асфальт
Променяешь и шелест и смех на лугу
Запоет в переходе чуть погнутый алыч
Я останусь но нет не могу

Зашипят под дождем фонари
Как упавшие луны в Неву
Не убий не кради на мосту во хмелю не дури
Как судьба я тебя позову

* * *

Так ли мягок придонный мельчайший песок
И поверхность его бархатиста,
Как закатного солнца в реке колесо
И наивная жажда большого и чистого?
И чем мусора больше течение несет,
И веселое желтое в крапинах черных,
Тем сильнее надежда, что все переменится, все
Если плыть по течению покорно.
И подводной струей и воздушной волною над ней

Век покажется бархатно сладок,
Это дно полосатое быстрых и солнечных дней
Сохранит озорной отпечаток.

* * *

Ты наденешь Москву словно длинно-парадное платье
непривычно чужое но нужно идти на банкет
чтобы могли пировать эти новые сестры и братья
за себя воевать нам приходится множество лет

А потом загремит электричка по черным туннелям
каждый день три часа - половина дороги домой
ты порой в тихом парке киваешь задумчивым елям
им равно одиноко и летом и нежной зимой

И тебя не дождавшись далекие окна застынут
над рекою затихнет церковный простой перезвон
надо звать в полутьме загулявшего малого сына
чтобы не заблудился тебя не расстраивал он

суждено по судьбе уклонение или участие
прорастают слова за собою курлыча зовут
и вздохнув облегченно ты сбросишь парадное платье
и на дно чемодана уложишь Москву

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ

(Вологда)

Родился в 1951 в Чойбалсане (Монголия), живет и работает в Вологде. Закончил Литературный институт в Москве. Активный участник литартели «Ступени» в течение многих лет, расширил читательское восприятие своими стихами. Автор поэтических книг «Резервация», «Съемка рапидом», «Страсти по Эвтерпе», «Время дуэлей». Пишет стихи, поэмы, драмы, прозу, рецензии. Неоднократный участник Рубцовской осени. В марте 2008 вышла новая книга стихов Архипова - «Выдумки мага».

* * *

Смотрю, как безумные рвутся олени
В твоих яснокрылых зрачках.
От скопища страсти до вязкости лени
Всего лишь обыденный страх.
Он в горло толкает какую-то смуту,
И смуты той нету милей.
Пусть парусник кроткий
Корежится круто
Над бедной дорогой моей.
Все стены да стены, да белые замки,
В заплатах сухих облака...
От черной лачуги к лебяжьей осанке
Всего лишь четыре шага.
И все же четыре ступеньки - как много!
Спаси, сохрани и отринь.

Пусть целая вечность до господа бога.
Скажи ему просто «аминь».

* * *

Фриволен бег твоих изящных рук
По клавишам разбитого рояля.
И звуки здесь - то плач монет, то стук
Единственной, которую не ждали.
Она ворвется, требуя вина,
В прихожей зло срывая жаркий свитер,
Как маленькая гордая страна,
Где каждый третий выглядит убитым.

И я ее одну останавливаю,
Слегка рукой ее волос касаясь,
Нежданно вдруг я ей скажу «люблю»,
Скажу и где-то в темноте покаюсь.

БЕДА

Я поздно понял, что пришла беда.
Ну и пускай, я дверь не закрываю.
Я пью чай и ты со мной, беда.
Попей, ведь ты замерзла, я-то знаю.

Ты многолика. Вот не знаю сам,
Какая будешь? Старая, поди-ка.
Я посетил сегодня дальний храм,
А руки все пропахли земляникой.

Пришла одна. Зажгла на кухне свет.
Смеясь, заторопилась у порога,
Сказала: «Что-то плохо ты одет.
Наверное давно не веришь в Бога».

Я верую. Вот видишь: образа.
А ты-то что, трухлявая старуха.
А ну смотри, смотри ко мне в глаза,
Ты, существо без времени, проруха!

Ты гниль. А может, впрочем, ты права.
Беда тихонько номер набирает
И телефон мне молча подает.
Я узнаю, что друг мой умирает.

Его жена зачем-то сильно пьет,
Ну а сама она в балете прима
И не старухой - лебедью плавает.
Такая вот уж вышла пантомима.
Простите, это снова дождь идет.

* * *

Тропа привела на задворки
Великого гнева её.
Глазами убитого Лорки
Сияло под солнцем тряпье,
И в этом тряпье нетушимом
Как будто в запястье впилась
Великая майская сила,
Весенняя сочная грязь.
Воинственно выла ворона.
Блистая безумная брошь
На правой груди у танцора,
Бросавшего в публику нож.

ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА

(Вологда)

Поэт, прозаик, журналист. Родилась в Харовске Вологодской области, окончила Вологодский политехнический институт. Работала в газете «Красный Север», на радиостанции "Трансмит", сейчас редактор газеты "Вологда автомобильная". Автор сборника «Больше света», активный участник литартели «Ступени» в течение многих лет, участник нескольких литературных совещаний и акций. Лауреат конкурса прозы «Светлые души». Член Союза Российских Писателей с 1996 года.

* * *

Мне лапку, хотя бы одну, из болота вытащить,
Соломинку ею нащупать.
Курили мы в детстве соломинками,
Поджигали их от головешек,
Не жалели соломинок, вечно жить собирались,
А мечтали не больше - не меньше: о трубках мира.
И ресницы себе палили.
И на щеке потом долгий жар хранился,
и горечь во рту.
И клялись не рассказывать родителям
- больше не пустят к кострам,
без которых - ну что там за счастье?
Где вы, соломинки детства?
Хотя бы одна,
самая короткая...
- Дымом, туманом, полями далекими...

РЕЧНОЕ

Где твои пароходы,
Седой мальчишка,
Друг теплого ветра
И скрипучих уключин.
Где те береговушки,
чьи норки знаешь на ощупь? Где?
На том берегу садится солнце,
На этом остывают камни.
Старую лодку спускаешь на воду,
Ржавую цепь привычно
Зачем-то берешь с собой.
Пора, раздвигая травы,
Свои поднимать сети
И, взвешивая на ладони,
Пересчитать улов.

Что будешь делать с речкой
За поворотом
Она каждой весной намывает
Новые острова.

Беззубкой безмолвной рисовать
По дну песчаному своим путем узоры.
Ловить тот миг, когда
Облако, чайку и
неровный жемчуг под створкой моей
нанижет острая иголка - солнечный луч.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

(восемь стихотворений одного дня)

Весь в иглах парк. И ветер укололся.
Собаки опасаются железок,
И что-то нюхают,
надеясь не вступить....
Секвойя проросла сквозь эти страхи,
Над гаражом ее упрямый зонтик засветился
Как раз на уровне окна.
И в доме утро.

* * *

Череда домов - деревянных со ставнями.
И резной палисад - не из жизни - из песенки.
Будто музей под открытым небом!
И бабушка на скамейке - как экспонат.
Но она - экскурсовод по минувшему времени.

* * *

У реки выступили ребра - нет дождей.
Серые отмели царапает ветер пересохшим языком.
Старому мосту чудится,
что затонувшая весной лодка -
всплывает.

* * *

Студеная вода светлеет с каждым днем
от желтых листьев,
упавших в черноту и вечность.
Жирный налим с трудом нашел
темную яму и счастлив.

* * *

Босиком - слишком холодно.
А в резиновых сапогах ходить по воде
никак не удастся.
По дну хожу,
Оставив мутный след от поднятого ила.

* * *

Встать на крыло как гадкому утенку
Отчаянья недостает.
А завтра станет лед на нашей речке.

* * *

Осенний день. Иголки сосны и те
в задумчивости - пора лететь.
Только куда, куда?
Ложусь на левое крыло.
Последний раз летаю кругом.
И завтра, завтра..

* * *

Люблю губами трогать
твои волосы русые.
Знаю, счастье - есть.
Оно - рядом, вот в этой комнате
с тюлем как облако, холодным от форточки.
Рядом с хищной собакой рыжего цвета,
уши которой похожи на две рукавицы.
Милый, меня знобит.
Лоб горяч, губы сохнут.
Что это - любовь, страсть?
Студить лоб о стекло?

Дышать, зная, что никто не поможет?
Никого еще не смогли спасти от сердцебиения...
Ловить капли тишины и не знать, и быть неловкой.
И этот мед на душе, и нечаянная радость от
встречи руками.
И губы ищут слепые, и руки становятся слепыми.
И воздух вязким. И ты светлый, и лицо твое вблизи
не вижу,
но узнаю. И пальцы хотят быть нежными.
И ты ловишь руки мои, изучаешь судьбу по ладони,
И врешь, и зовешь улетать - вместе.
И я смеюсь - зря и совсем некстати.
И даже успеваю вспомнить или
подумать - такого уже не бывает.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие стр.3

П Л Ю С О Д И Н

Мария Маркова (Кадуй) стр.9
Чужие последствия (цикл стихов)

Анна Казакова (Череповец) стр.18
Крым
А Вы все та же...
Танцуй!
А у нее сплошной сквозняк...

Михаил Калинин (Череповец) стр.23
Два глотка тишины и опять — круговая порука...
Сerpентарий
Замолви обо мне хотя бы пару слов...
...Так кто же я, Боже, художник или убийца...
Толстобрюхая туча морщится...
Во мне умирает поэт
Дуралей

Елизавета Чегодаева (Вологда) стр.34
Ты снова здесь, и в мире - провал...
Мы у жизни пару часов заняли...
Они роняют тихо: «Soggy...»
Шея опутана плеером, как удавкой...
Под тёмно-зелёным покрывалом...
Загораживает свет, от дыма морщится...

Дмитрий Туркин (Вологда) стр.38
Мы гуляли с ней поздней осенью...
Крестьянская душа

Горю, горю, горю...
Как с такими лицами ездят в автотранспорте?..
Хромоногие многие...
Видите ли...я не поэт...
Двадцать канареек
Бедная женщина косит..

Наталья Усанова (Харовск - Вологда) стр.47

Месяц
Чистое небо. Совсем бесстыдное...
В сумерках серы любые дороги...
За деревней они...
Здравствуй, самый первый посторонний!..
Сеятель
Невеста
Вода
Ни звука
Огонь

Регина Соболева (Вологда) стр.54

Колыбельная № 3
Колыбельная № 5
Колыбельная № 7
Я ем лед. Я пью снег...
Из цикла «Одной осенней ночью»

Дарья Кутяшова (Кадуи) стр.59

Мертвая Гвардия
Осколки забыли...
Не говорите мне о постоянстве!
Жизнь художника
Навеки нервишки зашалили...

Наталия Боева (Вологда) стр.65

я заклеиваю окна сушеными крыльями бабочек...
Пенелопа
карманная карма
Песня перьев
мама у вики — картина Гольбейна:
открутили голубю голову...
солнце-из-всех-подворотен...

Павел Широглазов (Череповец) стр.71

Посмотрев нечаянно на луну...
Монолог трактирщика из Паруара
Отовсюду слышится...
Домовой
Не ведая, что творю...

Александра Логинова (Белозерск - Вологда) стр.74

Сумерки тянутся пряжей...
Я откупаюсь от тебя истиной...
Доверяешь мне, своей как прежде...
Легкий кисточки полет...
Дом-корабль...
Полетели со мной в страну...
Уголок лета
Мы будем жить среди зимы...
Последние кусочки снега...

Алена Родина (Череповец) стр.79

Прирученные волки, мы вонзаемся лапами в снег...
Все говорят, что с небосвода...
Мой муж - вампир. Его высокий лоб...
А я вернусь в великий час Обмана...
Театру
Поэты

П Л Ю С Д В А

Денис Морозов (Вологда) стр.89

Мне до точки кипенья...

Зона отчуждения

Елена Загребина (Череповец) стр.91

Вы не прячьте спички от меня...

Ксения Парыгина (Нюксеница) стр.92

Мы дети сонного царства...

Александра Шалашова (Череповец) стр.93

Дракон в болоте

Виктор Мангиров (Белозерск) стр.94

Ты ничего не увидишь в глазах напротив...

Летит по небу птица...

Вероника Башкурова (Кадуй) стр.95

Мастерская

Татьяна Снежина (Чагода) стр.97

Не надо нам красивых слов...

Алексей Павленко (Череповец) стр.98

Как много слышим в тишине...

Театр - целый мир...

Артем Куцолобский (Вологда) стр.100

Зачем мне даны эти планеты...

красные лепестки в белой руке...

Евдокия Кузнецова (Белозерск) стр.102

Свет летит навстречу воле...

П Л Ю С Т Р И

Ната Сучкова (Вологда - Москва) стр.105

На Остоженке пахнет ладаном...
Но я расту быстрее травы...
Сапропель
Дачник мой август, тетрадь на столе...
Большеротым птенцом...
В городе, Богом данном...
Откуда взялась Марина?..

Павел Тимофеев (Вологда) стр.111

Проникновение
Н. и Л.
Тихий сумрак российской глуши...
Дом, где живёт пёстрая птица...
Тени
Апрельская эволюция

Антон Черный (Вологда) стр.118

Ольховый король
Печальная свадьба
В пригороде
Ошибка
Мальчуган
Нырну в сентябрь, выкупаюсь в осени...

Виктор Кичкарев (Череповец) стр.124

Свобода в мегаполисах

Игорь Захаров (Череповец) стр.127

Петербургская осень...
Упавший прямо под ноги цветок...

Галина Шекина (Вологда) стр.130

в вагоне гремучая смесь...
покуда их плечи дрожат...
ну мальчик скорее вдохни...
На зеленой-зеленой траве...
Так ли мягок придонный...
Ты наденешь Москву...

Валерий Архипов (Вологда) стр.134

Смотрю, как безумные рвутся олени...
Фриволен бег твоих изящных рук...
Беда
Тропа привела на задворки...

Ольга Кузнецова (Вологда) стр.138

Мне лапку, хотя бы одну...
Речное
Осенний день (цикл стихов)

ПЛЮСОВАЯ ПОЭЗИЯ

молодые вологодские стихотворцы
начала XXI столетия

Под общей редакцией А.Черного

*литературно-художественное
издание*

В оформлении обложки использована
картина *Татьяны Шмелевой*

Технический редактор *В.Снегов*
Дизайн макета *А.Черный*
Корректоры *В.Ивашова, А.Бровко*

Подписано в печать 20.04.08. Формат 128х170
Бумага офсетная. Гарнитура Lazurski.
Тираж 300 экз.

Вологодское отделение
Союза Российских писателей
Вологда, 2008

Вологодскому Отделению
Союза Российских Писателей

10 ЛЕТ